

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

Триллер. Головокружительные интриги с романтическим сюжетом.

Романы Бренды Новак — это интригующий сюжет, сложные взаимоотношения героев, запутанные ситуации, постепенно нарастающее напряжение и неожиданная развязка.

Romantic Times

HARLEQUIN®

Бренда НОВАК

ДОРОГАЯ МЭГГИ

Publisher's Weekly: «Богатая драматическая проза».

The Library Journal: «Ее романы понравятся читателям со вкусом».

Бренда Новак
Дорогая Мэгги

«Центрполиграф»

2010

Новак Б.

Дорогая Мэгги / Б. Новак — «Центрполиграф», 2010

Опасный маньяк открыто бросил вызов полиции Сакраменто. В городе уже убиты две женщины. Почерк преступника не оставляет полиции сомнений, что третьей жертвой выбрана Мэгги Рассел, репортер криминальной хроники. Для ее защиты в редакции появляется федеральный агент, для прикрытия назвавшийся Ником Соренсоном. Служебный долг в Нике борется с горячим чувством. И неприступный красавчик понимает, что пропал, ведь теперь эта рыжая застенчивая женщина и ее маленький сынишка для него самое дорогое на свете...

© Новак Б., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бренда Новак Дорогая Мэгги

Выражения признательности

Я благодарю Дикси Рид и Теда Белла, штатных сотрудников в «Сакраменто Би», за то, что они провели для меня экскурсию в новостной отдел и отвечали на мои вопросы о жизни репортеров криминальных новостей.

Посвящается Пэм, которая мне больше чем сестра и больше чем просто подруга детства.

И Джой, по той же самой причине

Пролог

Впервые в жизни Мэгги Рассел усомнилась в том, что хочет быть репортером криминальных новостей. Она всегда знала, что может столкнуться и, вероятно, столкнется с подобной ситуацией, но тем не менее реальность оказалась намного тяжелее, чем она представляла. Может, потому, что одна воспитывала ребенка. А может, оттого, что ее трехлетний сын мирно спал в своей кроватке всего в нескольких кварталах отсюда.

Несмотря на тепло калифорнийской ночи, Мэгги едва сдерживала дрожь и пыталась отвлечься от вспышек полицейских мигалок и зловония. О боже! – зловония всепроникающего и тошнотворного. Она старалась сосредоточиться на обрывках разговора, к которому прислушивалась, пока команда по сбору улики тщательно огораживала место преступления. Этому делу должен быть посвящен первый ее большой репортаж. Она не могла сейчас спастись.

– Женщина мертва уже около трех суток, – заявил коронер, склоняясь над телом, которое выглядело до того сильно разложившимся, что Мэгги не смогла задержать на нем взгляд. – Ей нанесли несколько ударов ножом.

– Рог, посмотри-ка этот кусок пластика, – пробормотал кто-то. – Может, в лаборатории удастся снять отпечатки пальцев.

В некотором отдалении стояли двое хмурых детективов. Мэгги узнала их – Мендес и Херли из полиции Сакраменто. Это был ее хлеб – знать, кто сейчас на дежурстве, но напрямую с детективами она никогда не общалась. Информация поступала к ней от полицейских диспетчеров, которые первыми принимали сообщения о преступлениях. Большинство ее статей касались семейных драк, мошенничества со страховкой или растрат. Однажды ей сообщили, что из Фолсомской тюрьмы сбежал опасный преступник, а в другой раз она отслеживала, как ее знакомый репортер Хорхе разбирается с серией вооруженных ограблений. Но никогда прежде она не имела дела с убийством – особенно с таким зверским.

Труп обнаружила бездомная, которая рылась в мусорном контейнере за маленьким офисным зданием в Мидтауне ¹. Сейчас она сидела на бетонном бордюре, медленно раскачиваясь. Ее длинные темные волосы свисали спутанными прядями, а худенькую фигурку укрывали несколько слоев одежды. Все свои вещи она держала при себе в пластиковом пакете. Лицо ее хранило вполне осознанное, настороженное выражение. Мэгги показалось, что во взгляде бродяжки есть проблески интеллекта, но когда детектив Мендес попытался заговорить с ней, женщина никак не отреагировала. Позже Мэгги услышала, как он пробормотал, обращаясь к Херли:

– Черт, свет, может, и горит, но никого нет дома.

– Нашли что-нибудь похожее на орудие убийства? – спросил кто-то.

– Подобные ранения можно нанести только очень большим ножом, а в мусорном контейнере не было ничего похожего. Нам придется обыскать все близлежащие кусты и мусорные баки.

Мэгги снова бросила взгляд на бездомную и потихоньку к ней приблизилась. Возможно, Мендес поспешил задавать ей вопросы, был недостаточно терпелив.

– Привет, – сказала она. Женщина даже не подняла взгляда.

– Вам, наверное, жутко было наткнуться на такое! Жаль, что пришлось это увидеть.

Никакой реакции.

– Вы бываете здесь каждую ночь? Молчание.

– Полицейские думают, что женщину, которую вы нашли, убили дня три назад, но тело бросили в контейнер только вчера. Может, вы что-то видели и можете им помочь?

¹ Мидтаун – центральная часть Сакраменто. (Здесь и далее примеч. пер.)

И снова никакого ответа.

– Мэм? Я с вами разговариваю! – повысила голос Мэгги. – И это очень важно. Вы слышите меня?

«Свет, может, и горит, но никого нет дома». Мэгги вздохнула. Она уже сделала шаг в сторону, когда нищенка наконец подала голос.

– Что? – спросила она, поворачиваясь. – Я вас не слышу. Я глухая.

Ее взгляд уперся Мэгги в лицо.

– Это может случиться и с вами. Это может случиться с кем угодно, – сказала она.

Глава 1

– Он снова смотрит на меня. Я это чувствую.

Мэгги стояла в проходе, лицом к кабинке своей подруги Дарлы, и боялась обернуться, не желая нос к носу встретиться с Ником Соренсоном.

Дарла, штатная сотрудница отдела развлечений в «Трибюн», нахмурилась и тоже встала.

– Не надо! – сказала Мэгги сквозь шум полицейской волны, доносящийся от ее расположенного по соседству стола, сквозь бубнящие телевизоры, клацающие клавиатуры и голоса, звучащие со всех сторон. – Сядь, а то он поймет, что я говорю о нем.

– Расслабься, – промурлыкала Дарла. – Он нас не слышит.

– Зато он нас видит!

– Все правильно, он там, в конце холла, – сообщила подруга и покачала головой. – О-ла-ла, да он просто великолепен! Но он уходит. Похоже, направляется к столу фоторедактора.

Всякий раз, когда Ник оказывался поблизости, Мэгги узнавала об этом, даже не видя его. Она чувствовала его присутствие, ощущала его интерес. Это началось три недели назад. Он только поступил на работу в редакцию и сразу же пригласил ее на свидание, а она ему отказала. У таких, как он, не может быть серьезного интереса к женщине. Во всяком случае, к такой, как она, женщине. Она получила жестокий, но полезный урок еще в старших классах, когда Рок Тил-ман и другие накачанные парни плевали в нее бумажными шариками, смеялись над скобками на зубах, над подростковыми прыщами, рыжими волосами и даже над тяжестью учебников, которые она везде таскала с собой. Ее внешность с тех пор сильно изменилась, но, несмотря на состоявшийся чуть позже брак (который, впрочем, оказался неудачным), девочка, что жила внутри нее, по-прежнему оставалась верна своему презрению к накачанным нахалам, которые считают, что весь мир должен падать к ногам за одно только подмигивание или ухмылочку.

К счастью, когда Мэгги отказалась идти с ним на свидание, Ник не стал делать из этого проблему. Время от времени она видела, как он наблюдает за ней, обычно с некоторого расстояния. А застигнутый за этим занятием, не отворачивался и не пытался улыбнуться. Он, как броню, надевал маску беспечности и разглядывал Мэгги золотистыми глазами с густыми ресницами так, словно... словно хотел ее. И это само по себе внушало тревогу. Высокий, атлетически сложенный, Ник подавлял хрупкую, миниатюрную Мэгги. И она тушевалась под его взглядом.

– Как думаешь, чего он от меня хочет? – спросила она.

Дарла пожевала губу и искоса глянула туда, где скрылся Ник.

– Ты и сама знаешь чего. Он хочет свидания.

Мэгги отважилась бросить взгляд через плечо и увидела, что холл пуст.

– Если бы я так думала, то, наверное, сходила бы с ним на свидание. Второго он уж точно бы не захотел, и я бы от него избавилась. Но боюсь, он претендует на большее и готов перейти к делу. Похоже, у него в этом богатый опыт, так что мы определенно не из одной лиги.

Дарла подняла бровь.

– Вряд ли он хочет только этого. В редакции, кажется, не осталось ни одной мало-мальски заинтересованной женщины, которая не попыталась бы заигрывать с ним, но он со всеми держится одинаково – «руки прочь, не приближаться». Я замечала, что на Съюзи он смотрит так, будто презирает ее.

Мэгги пожала плечами:

– Ну, за это мы не можем его осуждать. Кто же по-другому относится к Съюзи? Она переспала со всеми парнями редакции. Даже с самим издателем.

Поставив локоть на перегородку, отделявшую ее кабинку от прохода, Дарла подперла голову рукой.

– Может, тебе стоит сказать Френку, что Ник действует тебе на нервы?

– Не хочу втягивать его босса. Да и что я могу сказать? «Ник смотрит на меня»? И тот сразу решит, что это почти готовое дело о сексуальном домогательстве? К тому же время от времени мне кажется, что все это вообще лишь моя фантазия.

– Может, работа так на тебя действует? Работать по ночам и слушать переговоры полицейских как-то жутковато.

– Криминальный репортер должен освещать преступления, – парировала Мэгги. – Как бы я узнавала о том, что и где произошло, без этих переговоров?

– И нет ничего получше? Поблагодарила бы Хорхе за его предложение поменяться сменами. Посмотри, какое солнце на улице. Целый день тебе не придется думать даже о том, чтобы добраться до своей машины.

– Хорхе взял отгул не для того, чтобы удружить мне. Ему должны оперировать колено. А кроме того... Ты же знаешь, как трудно начинать в нашей сфере. Мне еще очень повезло получить здесь работу.

Дарла склонилась над сумочкой, пощелкивая накладными ногтями, порылась в ней и через минуту вытащила губную помаду. Щедро намазав губы, бросила тюбик туда, откуда взяла. За помадой с тихим стуком последовала косметичка.

– Так что насчет того убийства на прошлой неделе? Ты по-прежнему думаешь, что о нем будет твой большой репортаж?

– Да. И в произошедшем определенно есть что-то странное.

– Полиция уже знает, кто это сделал?

– Нет, и они держат рот на замке. Дали мне пресс-релиз с обычными комментариями, но многое замалчивается. Я знаю, что в деле есть информация, к которой они не хотят меня допускать. – Она улыбнулась. – И я, естественно, собираюсь докопаться до истины.

Дарла скорчила гримаску и прошлась длинными ногтями по светлым прядям волос.

– Ну, тебе не обязательно посвящать меня по все детали. Я уже достаточно наслушалась о бедной женщине в мусорном контейнере. В этом преступлении все просто отвратительно и подтверждает мое убеждение, что после полуночи не происходит ничего хорошего.

Мимо них прошел Ник Соренсон, Дарла проследила за ним взглядом.

– Поправка. После полуночи не происходит ничего хорошего, если ты не проводишь ночь с ним, – одними губами сказала она, когда он стал удаляться.

Мэгги отметила широкий уверенный шаг Ника, и это поколебало выводы на его счет.

– Красивая внешность еще не делает мужчиной, – напомнила она себе и Дарле. – Ник тебе приглянулся? Жаль, что он не попросил о свидании тебя.

Подруга хитро улыбнулась:

– Жаль – это верно. Ты видела этот опасный блеск в его глазах? У него на виске шрам, и, судя по тому, как волосы падают ему на лоб, его мало волнует собственная внешность. И все равно, он просто конфетка. – Дарла громко вздохнула. – Выглядит просто потрясающе.

Мэгги с сомнением подняла бровь. «Я разбивающий сердца, – говорила каждая часть тела Ника Соренсона, – поймай меня, если сможешь».

– У меня нет настроения для такого рода приключений.

Она потратила слишком много сил и времени, восстанавливая чувство собственного достоинства, и не собиралась рисковать этим ради такого, как Ник.

– Ты так думаешь просто потому, что одна растишь ребенка. А для одиноких родителей осторожности много не бывает.

– Это верно.

– Мне спросить, чего он на тебя глазеет? Мэгги протестующе подняла руку:

– Не заставляй меня краснеть.

– Ну ладно. Наверняка, он просто считает тебя привлекательной. Какой мужчина так не думает?

– Иногда становится заметно, что ты знаешь меня не очень долго, – заметила Мэгги. – А как же Тим?

– Но он ведь женился на тебе, разве не так? И давай посмотрим правде в глаза – в конце концов, это ты от него ушла, а не наоборот.

В одном из приемников Мэгги прозвучал срочный вызов. Инстинктивно она напряглась, прислушиваясь к голосу диспетчера, но тут же расслабилась, поняв, что это вызов к какому-то психу, который делает что-то не слишком умное и явно не заслуживает, чтобы о нем написали статью.

– Да, мне пришлось уйти от Тима, – ответила она Дарле. – Если бы не Зак, я бы, наверное, до сих пор за него держалась и до конца жизни благодарила, что он соизволил на мне жениться. Но мой сын заслуживает отца, который им интересуется. – Она тяжело вздохнула. – Если бы я могла найти ему такого...

– Так вот в чем дело. – Лицо Дарлы смягчилось. – Тебе все-таки опротивела одинокая жизнь, да?

У Мэгги неожиданно встал ком в горле, а глаза защищало от слез. «Что за сентиментальность», – мысленно одернула она себя. Миллионы людей живут в одиночестве и не жалуются. И сейчас она со своим нюхом нужна здесь, в полной готовности в любой момент сорваться с места.

– У меня нет времени с кем-нибудь встречаться. Я провожу на работе почти каждую ночь, а потом весь день сижу с Заком. И давай уж начистоту: на игровой площадке «Макдоналдса» не так много шансов встретить свободного парня.

– Ты работаешь сегодня, а значит, вечер пятницы у тебя свободен. Хочешь, я присмотрю за Заком, пока ты сходишь на танцы?

Танцы были любимым развлечением Дарлы. Но Мэгги не часто ходила в ночные клубы.

– Не уверена, что визит в ночной клуб мне необходим, – сказала она, зная, что Дарла никогда бы не поняла ее боязни подобных заведений.

Как правило, репортеры были такими, как Дарла, – дерзкими, уверенными в себе, и Мэгги в части профессионализма им не уступала. Обычно неуклюжая и застенчивая девочка, какой она была в юности, оставалась похороненной глубоко у нее внутри. Но, когда речь заходила о личной жизни, та, давняя, Мэгги проявляла себя.

– У меня нет ни единой татуировки и не вдето ни одного колечка, – пошутила Мэгги. – Мне останется только подпирать стенку.

– Ничего подобного, – заспорила Дарла.

Непослушный завиток оттенка яркой меди зашевелился Мэгги щеку, и она убрала его за ухо.

– В любом случае ты не можешь приглядывать за Заком. Тебе самой надо ходить на свидания. Ты говорила, что хочешь в этом году выйти замуж.

– Я так говорила, пока не поклялась до конца жизни на свидания не ходить.

– Да ты каждый понедельник в этом клянешься, до среды держишься, а к пятнице вновь готова приодеться и куда-нибудь сходить.

Рей из отдела спортивных новостей ослабилась, проходя мимо них в кабинет Френка Бакли:

– Здравствуйте, дамы.

Девушки бормотнули приветствие, стараясь не встречаться с Реем взглядом, – он считал себя покорителем женских сердец.

– На сей раз я не изменю клятве, – продолжила Дарла. – Тип, которого я подцепила в прошлый раз, оставил меня с долгом в пять сотен баксов за междугородные переговоры.

– Ого. – Мэгги поморщилась и поддразнила подругу: – Нам с тобой совершенно не везет в любви.

Дарла отмахнулась от нее:

– Ну хватит уже. Так или иначе, но мы кого-нибудь себе найдем.

Она села и повернулась лицом к компьютеру.

– Подожди секунду, – сказала Мэгги. – Я кое-что получила по почте и хочу показать тебе.

Пройдя к своему столу, она открыла верхний ящик, вытащила белый конверт с красным сердечком на лицевой стороне и вернулась к кабинке Дарлы.

– Что ты об этом думаешь?

– А что это?

– Реклама службы знакомств.

Дарла подняла бровь, похоже совершенно не впечатлившись.

– Что я думаю? Я думаю, что ты свихнулась, Мэгги. Такая красotka, как ты, не должна платить за то, чтобы пойти на свидание.

Если бы Дарла понимала, до какой степени болезненно было для Мэгги пойти на свидание с мужчиной, до чего нестерпимы все эти ритуалы и нюансы...

– В каком-то смысле мне нравится идея заполнения анкет. При обычном свидании мы лишены возможности заранее оценить друг друга. – Она разгладила листок на перегородке. – Понимаешь, в этом все дело. Ты отвечаешь на вопросы, и служба знакомств подбирает тебе подходящего мужчину.

– И что они для этого используют – хрустальный шар? Или просто включают в свой контракт пункт «странных типов просим не беспокоиться»?

– Да ладно тебе. Понятно, что они не могут полностью обезопасить своих клиентов, но если бы мы с Тимом в свое время заполнили такую анкету, то знали бы с самого начала, что не подходим друг другу. До свадьбы он никогда не говорил, что не хочет детей.

Мэгги не стала добавлять, что была настолько счастлива, найдя того, кто ее любит, что старалась ни в чем ему не перечить. А Тим считал само собой разумеющимся, что она приспособится к его планам их совместной жизни. В итоге ее неспособность смириться с его нежеланием иметь детей оказалась сюрпризом для обоих.

– Мне потребовалось несколько лет, чтобы изменить его мнение на этот счет, а результат все равно оказался ужасным. Он злился на Зака с самого первого дня, – сказала она.

– Но ты можешь оказаться один на один с опасным типом, – предположила Дарла. – Насильником или убийцей.

– Гораздо больше шансов встретить такого в клубе. Этот путь требует терпения, а им насильники и убийцы обычно не обладают.

Ник вытянулся в кресле, скрестил ноги и прикрыл глаза. Ему хотелось сфотографировать Мэгги Рассел. Хотелось одеть ее в легкое белое платье, ниспадающее с одного плеча, и смотреть в видеоискатель на нее, босую и смеющуюся. Любоваться, как ветер раздувает ее густые ярко-рыжие волосы, ловить искоса брошенный на него взгляд.

Это должен быть вечер, решил он. Тогда свет будет падать идеально, и он сможет запечатлеть момент, когда ее безупречную кожу окутает теплое золото заката. Усыпанный веснушками нос и рот, немного великоватый с точки зрения общепринятых идеалов, лишь добавляют ее лицу земной красоты. Ее тень лишь намекает на абрис обнаженного тела под хлопковой тканью платья. Он снимает ее на пляже, на фоне прибой цвета ее глаз. Переливающаяся теплая волна окатывает песок под ее ногами.

Каким-то удивительным образом Мэгги Рассел удавалось соединять в себе невинность и ранимость с невероятно сильной сексуальной притягательностью. Эффект получался поистине интригующим. Нику хотелось поймать его при съемке; он знал, что у него получится. Он поместит ее фотографию на обложку фотоальбома, который надеялся издать, когда у него появится время, чтобы превратить свою любовь к фотографии в нечто более серьезное.

А сейчас ему пора вернуться к работе. Огденский отдел ФБР послал его в Сакраменто в качестве штатного фотографа «Трибюн» не для того, чтобы он тратил время, вождедея красивую девушку-репортера. Его послали ее защищать. Владелец газеты, с которым Ник встречался лишь однажды, был единственным, кто знал правду о нем и его задании. Возглавляя небольшую группу агентов, подобранную полицейским отделением Сакраменто, Ник также имел дополнительное бремя работы в «Трибюн», где должен был выглядеть достаточно убедительным и обвести вокруг пальца не только босса-фоторедактора, но и других сотрудников. А это означало, что ему придется из каждой минуты выжимать по максимуму.

Ник выпрямился в кресле и достал из стола папку, в которой находился отчет коронера о жертве, убитой около недели назад и найденной в мусорном контейнере. Он уже изучил его вдоль и поперек, но каждый раз, прочитывая заново, надеялся заметить что-нибудь пропущенное ранее. Что-то способное пролить свет на серию жестоких убийств, которые начались на Восточном побережье около четырех месяцев тому назад, затем переместились в Миссури и Колорадо и, наконец, достигли Западного побережья.

Жертву звали Сара Риттер. Ее смерть увеличила число погибших до семи. Европейской расы, тридцати пяти лет, она была блестящим профессионалом и имела степень магистра по английскому языку Калифорнийского университета в Дэвисе. Сара преподавала во вторых классах начальной школы в пригороде, имела типовой дом с тремя спальнями и двумя ванными, двоих детей, собаку и мужа – страхового агента.

К несчастью, она также подверглась жестокому нападению – была изнасилована, получила множество ударов ножом, после чего ее тело выбросили в мусорный контейнер. Оставалось загадкой, как она оказалась в такой дали от дома, почти в двадцати милях от Мидтауна.

Ник сжал переносицу. Почему выбрали именно ее? Предыдущие шесть жертв, включая девушку-репортера из Сиэтла, были моложе. Три женщины жили одни, одна – с любовником и еще одна – отдельно от мужа. Возраст между двадцатью и тридцатью. Что привлекало к ним убийцу? Что именно подвергло их риску?

Уж точно не легкая доступность. Все убийства были достаточно сложны в исполнении. Жертвы не жили на улице. Не были наркоманками или проститутками. Все имели дом и работу, а некоторые и семьи. Кроме того, между ними не просматривалось никакой очевидной связи – они не принадлежали к одному книжному клубу, не заканчивали одну школу, не ходили в один колледж и не переписывались между собой ни по личным, ни по деловым причинам. Насколько Ник смог выяснить, жертвы вообще друг друга не знали. Объединяло их единственное – тот факт, что они стали жертвами одного и того же убийцы.

Случайный выбор, за исключением Лолы Филмор, девушки-репортера. Здесь были личные причины.

Ник взял другую папку, пролистал бумаги и выбрал письмо, которое впервые привело его в Сакраменто. Полученное почти месяц назад штаб-квартирой ФБР, оно было отпечатано на обычной офисной бумаге стандартным струйным принтером фирмы «Хьюлетт-Пакард». В нем не было ничего необычного, во всяком случае, такого, что могло бы помочь. Но сам текст письма проливал некоторый свет на психологию убийцы.

13 апреля

Сиэтл, штат Вашингтон

Уважаемые господа, или я должен сказать, дамы? Добро пожаловать к расследованию. Судя по тому вызову, что бросила мне местная полиция, у

меня создается впечатление, что ею сейчас управляет кучка особ женского пола. Но даже если так, я решил позволить вам присоединиться к веселью. Я устал от Сиэтла и его дурацких дождей – из-за них работа на улице становится неприятной, если вы понимаете, о чем я, – и решил двинуться в Калифорнию. Но куда? Лос-Анджелес слишком велик. Со всеми этими разграничениями юрисдикций местным полицейским будет слишком легко устраниваться от расследования, а кроме того, если перехитрить соперника слишком просто, никакого веселья не получится. Я рассматривал Сан-Франциско, но там всем будет плевать, что я убиваю женщин. Они презирают слабый пол. Поэтому я счел Сакраменто самым подходящим местом. Речной город, кажется, так его называют. Ну вот, скоро мы и увидим, что река вынесет...

Поймите меня, если сможете...

Доктор Дэн.

Доктор Дэн был известен своими письмами. Он посылал их в местное полицейское управление, насмехаясь над неудачными попытками его поймать. Посылал их в ФБР, хвастаясь своим интеллектом. А когда и полиция, и ФБР скрыли письма от прессы, он стал писать прямо в газеты, надеясь на кричащие заголовки. Он прислал два письма Лоле Филмор в «Сиэтл индипендент», а потом убил ее.

К счастью, насколько было известно Нику, в «Сакраменто трибюн» подобных писем никто не получал. Пока. После случившегося в Сиэтле интуиция подсказывала ему, что такое письмо может получить Мэгги Рассел. «Трибюн» была центральной газетой города, а Мэгги – единственным штатным репортером женского пола.

Он сунул письмо в папку и взял отчет психолога-криминалиста. Миссис Лейли Вонг, одна из лучших специалистов ФБР по составлению психологических портретов, проанализировала это письмо и сочла его подлинным. Но в своем отчете она сообщила не так много, как хотелось бы Нику. Она указывала: преступник, по всей вероятности, достаточно молод, скорее всего, маленького роста, лысоват и вдобавок ко всему имеет сексуальные проблемы.

Никаких сюрпризов.

Нескрываемое презрение доктора Дэна к женщинам сквозило в его письмах и еще сильнее проявлялось в злобной и жестокой природе его убийств, оно явно подпитывалось его всепожирающим гневом. Возможно, с ним в юности плохо обращалась мать или другая властная женщина в ее роли. Или, может быть, от него ушла жена.

«Или же он убил ее», – подумал Ник. Может появиться еще один труп. И даже не один. Большинство серийных убийц не разгоняется от нуля до шестидесяти ² за несколько дней. Они начинают медленно, обычно с убийств животных, и от них отталкиваются в дальнейшем.

Пролистав отчет до конца, Ник стал просматривать заключительные параграфы. Вонг сомневалась, что доктор Дэн на самом деле врач по профессии, но не исключала, что его имя действительно Дэниел. Она утверждала, что, скорее всего, он европейской расы и получил образование не ниже колледжа. Возможно, он британец, судя по его официальному и довольно напыщенному языку. Основываясь на статистике по жестоким преступникам и тоне письма, Вонг предполагала, что он находится в возрастном диапазоне от двадцать восьми до тридцати пяти лет.

Последнее предложение ее отчета Ник знал наизусть, потому что сам пришел к тому же выводу. Принимая во внимание, как быстро и рационально доктор Дэн удаляет определенные внутренние органы, он, вероятно, знает анатомию на практическом уровне. Врач, медбрат, фельдшер, студент-медик, ветеринар, мясник...

² От нуля до 60 миль в час – стандарт времени разгона автомобиля, принятый в США и Великобритании.

– Определенно мясник, – проворчал Ник.

Доктор Дэн, кажется, воображал себя кем-то вроде современного Джека-потрошителя, но Ник собирался положить этому конец. Он найдет этого ублюдка и припрет к стенке, даже если это будет последним, что сделает. Мерзавец, который пересекает Америку, по дороге убивая жен и матерей, не выйдет сухим из воды, пока Ник на своем посту.

Он услышал смех Мэгги, поднял голову и увидел, что она разговаривает с другим фотографом около автомата с водой. Она была очень красива в строгом деловом костюме серого цвета и белой хлопковой блузке. У нее были самые притягательные губы, которые он когда-либо видел, и самые потрясающие глаза, одновременно чувственные и соблазнительные.

Но ни то ни другое не имело значения. Он федеральный агент. Его интерес к Мэгги строго профессионален. Даже если сама не станет целью доктора Дэна, она может выкопать что-нибудь полезное для расследования. И была большая вероятность, что именно так и случится. Она отслеживала все звонки, поступающие после десяти вечера. А доктор Дэн всегда нападает ночью.

Глава 2

Что же такое происходит? Лоуэлл Аткинсон, коронер графства, всегда помогал Мэгги. Она посылала цветы в больницу его жене Мэри Энн, когда та родила младшего малыша. Прошлым летом брала их дочку Кэйти на пикник вместе с Заком. Мэгги просто не могла поверить, что сейчас он обращается с ней так официально. Она зашла к нему в офис попросить копию отчета по телу, найденному в мусорном контейнере, а он сказал, что еще не закончил отчет и позвонит ей, когда все будет готово. Мэгги попробовала нажать на него, попросила хотя бы рассказать о результатах, но он сослался на то, что еще не сделал вскрытия.

Какая ерунда! Мэгги не настолько глупа. На полицию сильно давили, требуя скорейшего раскрытия преступления. Лоуэллу просто не позволили бы больше недели держать жертву в морге. Его отчет наверняка был у следствия уже на следующий день, но ее знакомые в полиции молчали об этом. А в довершение всего Бен – ее редактор – давил на нее, требуя продолжения истории, которую они запустили на прошлой неделе. Продолжения, которое она не могла сотворить из воздуха. Ей нужна была информация, и нужна немедленно.

Расстроенная Мэгги положила сумочку на стол и плюхнулась в кресло, думая, откуда же ей начать. Делом занимались детективы Херли и Мендес. Она сомневалась, что они станут с ней разговаривать, раз другие не стали, но попробовать стоило.

Она выловила из ящика список своих знакомых в полиции и набрала телефонный номер, но дежурный сержант Лопес сказал, что ни Мендеса, ни Херли нет на месте. Она хотела было передать им сообщение, но передумала и повесила трубку, решив попытаться застать их позже. А пока ей надо заняться текущими делами.

Она разбиралась у себя на столе, когда заметила записку от Дарлы. Та прилепила ее к перегородке прямо у нее перед носом, рядом с фотографиями Зака.

«Прежде чем обращаться в службу знакомств, давай сначала попробуем интернет-чаты, – говорилось в записке. – Они, по крайней мере, бесплатны».

Мэгги никогда раньше не посещала чатов знакомств. Она много ходила по Интернету и не могла жить без электронной почты, но была далеко не уверена, что знакомство по Интернету стоящая затея. Как им с Дарлой познакомиться через Интернет с парнями, что живут неподалеку и смогут пойти на свидание? А если выяснится, что заинтересовавший ее мужчина живет, допустим, во Флориде? Приятель по переписке не сможет заполнить пустоту в ее жизни.

Но в целом идея общения из-за безопасного экрана ей была по душе. Не понадобится няня для Зака, он вполне может играть на полу в той же комнате. Никакой суеты. Никакой неловкости. Никакого страха и переживаний, сможет ли она контролировать ситуацию. Чаты помогут ей коротать долгие одинокие вечера перед работой. И уж конечно, не помешают взять из холодильника замороженный йогурт и поесть его во время общения с виртуальными знакомыми.

– Так что ты об этом думаешь? – спросила Дарла, заходя к ней в кабинку и не оставляя Мэгги возможности принять твердое решение.

– А риск? Вдруг мы привлечем каких-нибудь сомнительных типов. Виртуальных психов. – Мэгги старалась рассмотреть вопрос со всех сторон.

Дарла нахмурилась:

– Это верно, такое тоже случается. Я слышала жуткие истории. Нам придется быть осторожными.

– А как мы определим, кому можно назвать имя и номер телефона, а кому нельзя?

– Мы должны сначала узнать парня.

– Каким же образом?

– Думаю, придется «играть по слуху».

Мэгги подперла рукой голову и наградила Дарлу взглядом, полным скепсиса.

– Собираешься втянуть меня в авантюру? Я так и думала.

Дарла улыбнулась и, пошарив в ящике Мэгги, вытащила оттуда жевательную резинку, которую хранила там для себя.

– Мне кажется, пора устроить небольшой переполох. По-моему, самое время для небольшого приключения, – сказала она и направилась к своему столу.

– А для чего еще друзья? – пробормотала Мэгги, но Дарла ее не услышала. Она куда-то вышла, но тут же вернулась с новой запиской на клейком листочке.

– Вот. Мы пойдем сюда. Логинимся сегодня вечером в восемь. Я буду ждать тебя там.

Мэгги вчиталась в петляющий почерк Дарлы, которая направляла ее в чат под названием «Любовь двадцатилетних».

– Может, тебе-то и двадцать шесть, но мне стукнуло тридцать, – возразила она. – Мне нечего делать в «Любви двадцатилетних».

Дарла пожала плечами:

– Ладно. Я не возражаю против мужчин постарше. Значит, идем в «Любовь тридцатилетних».

– Ох, я не знаю. – Мэгги катала в ладонях карандаш, согревая руки. – Я по-прежнему склоняюсь к обращению в службу знакомств. У них в анкете есть пункт про внешность искомого мужчины. – Она усмехнулась. – Я собиралась поставить галочку возле «умеренно привлекательного», чтобы парень не предъявлял потом претензий по поводу моей рыжины.

– Ты не рыжая, а золотисто-каштановая, и это очень красиво.

– Рыжие никому не нравятся.

– Мужчины сходят с ума по рыжим.

– У Тима была параноя, что наш ребенок будет рыжим.

– Тим всегда старался причинить тебе боль.

Да, ее бывший в этом определенно преуспел. Но он также ее закалил, впрочем, все это вообще в прошлом.

Мэгги вытащила из ящика анкету службы знакомств.

– А кроме того, я планировала отметить пункт, что только полгода назад переехала сюда. Ну, знаешь, в качестве меры предосторожности.

Дарла уперла руки в бедра:

– Так ты что, собираешься врать практически по каждому вопросу?

– Не по каждому. Они ведь не спрашивают о моем весе.

– Похоже, об этом тебе тоже пришлось бы наврать. – Дарла покачала головой. – Ну ладно, а что ты напишешь про занятия спортом? «Активно занимаюсь», просто «занимаюсь», «иногда занимаюсь» или «спорт мне безразличен»?

– «Активно занимаюсь», естественно.

– Ходить в магазин за продуктами раз в неделю – это активно заниматься?

– Нет, но всем известно, что активная женщина более привлекательна, чем пассивная.

– Вот видишь, Мэгги? Это тебе ни о чем не говорит?

– Говорит, и я не такая идиотка, чтобы отметить, что «пассивная».

– Да. И другие наверняка делают то же самое – сообщают то, что хочет услышать противоположная сторона. Вместо правды.

Мэгги покусала губу. Дарла попала в точку. Что, если мужчины, отметившие «ученую степень», в действительности окажутся теми, чье образование повышалось исключительно при переходе из школы для малолетних преступников в тюрьму штата?

Схватив записку с информацией о чате, Мэгги нацарапала на ней «Любовь двадцатилетних», приписала крупно 30 и прикрепила ее на стенку.

– Ладно. Пойдем в Интернет. Это тоже вполне безопасно и к тому же бесплатно, верно?

– Верно. – Дарла перебросила волосы через плечо. – До встречи в виртуале.

Как же ему узнать ее в чате?

Ник сидел перед ноутбуком, на ногу его покоилась собачья морда. Он читал сообщения в чате, надеясь, что сможет узнать «голос» Мэгги, когда услышит его. Он сам вошел примерно в половине восьмого, желая быть там раньше ее. Он надеялся, что сможет вычислить Мэгги по времени появления, даже если ник и текст сообщений ничего ему не скажут. Но вот уже восемь, а он сомневался, что она могла быть кем-то из уже присутствовавших в чате.

Может, он выбрал не тот чат? Ник посмотрел в записку, которую позаимствовал из кабинки Мэгги. Нет, сервер правильный.

Поверх слов «Любовь двадцатилетних» были начертаны цифры 30, и, проглядев в чате названия комнат, он решил, что это может означать только «Любовь тридцатилетних». Ну и где же они тогда?

Мэгги и Дарла могли передумать выходить в чат, но это казалось ему маловероятным. Как и все остальные на парковке, он слышал, как Дарла говорила о чате, собираясь ехать домой. Дарла никогда ничего не скрывала. Он улыбался всем комментариям – и хорошим, и плохим, – которые отпускала в его адрес высокая блондинка, не замечая, что он слышит каждое слово. Интересно, смутилась бы она, если бы все поняла? Нет, вряд ли. Дарла не из тех, кто смущается.

А вот Мэгги умерла бы на месте, если б узнала, что он слышал многие их разговоры. Он знал, что заставляет ее нервничать и что она не хочет с ним никаких отношений. Ему сообщил об этом ее категорический отказ пойти на свидание. Но он не может защитить ее, пока не подберется поближе. И если ему повезет, они станут хорошими друзьями...

«Эй, Горный байкер, ты что там притаился? Из застенчивых, что ли?»

Это Фанатка танцев заговорила с ним. Она флиртowała сразу с несколькими мужчинами. Упомянула, что она из Вашингтона, но Ник не представлял, имела ли она в виду штат Вашингтон или город Вашингтон, округ Колумбия. Он понял только, что она не Мэгги, и потерял к ней интерес.

«Просто молчун», – написал Ник в чате.

Фанатка танцев. Ну давай же, присоединяйся к веселью. Расскажи нам, если бы ты был животным, то каким?

Два новых ника появилось у него на экране, один за другим, и Ник улыбнулся. Закман и Кошатица – это могли быть только Мэгги и Дарла. У Мэгги был сын по имени Зак. И никто так не сходил с ума по кошкам, как Дарла. Поняв, что нашел их, Ник расслабился и ответил Фанатке танцев.

Горный байкер. Я был бы ротвейлером.

Фанатка танцев. Собакой? А почему?

Горный байкер. Они умные, преданные и свирепые.

Он почесал своего пса за ушами. Отзываясь на ласку, Рэмбо открыл печальные глаза и потом снова закрыл их, задремав. Он выглядел каким угодно, только не свирепым.

Горный байкер. А ты сама?

Фанатка танцев. Я была бы лошастью.

Ник знал, что дальше должен спросить, почему именно лошастью, но Фанатка танцев его не интересовала. Поэтому он стал осторожно отеснять от Мэгги парня по имени Пит010. Тот поприветствовал ее в чате и сейчас пытался вовлечь в разговор о катании на лыжах.

Горный байкер. А ты, Закман?

Закман. Прошу прощения, я здесь недавно. Какой был вопрос?

Горный байкер. Если бы ты была животным, то каким?

Кошатица. Я была бы сиамской кошкой.

Закман. А я плачущей горлицей.

Пит010. А почему именно ею?

Кошатница. Потому что плачущие горлицы остаются вместе всю жизнь, да, Заки? Это очень романтично.

Горный байкер. В романтике нет ничего плохого. Пока тебе кто-то не нравится и на горизонте не появляются планы выйти замуж и обзавестись хозяйством.

Закман. Кроме перспективы рваться на тряпочки в роли жены и необходимости делать всю работу.

Кошатница. А я так вообще типа черной вдовы.

Пит010. Парни, смотрите в оба.

Кошатница. Это просто шутка. Клянусь, я хорошая девочка.

Рыжая ракета. Ну хватит уже этих глупостей про животных. Пришло время для остренького. Давайте оценим наших последних любовников и любовниц.

Пит010. Я уже не помню. Слишком давно была последняя.

Ник хихикнул. Этот Пит010 либо пытается давить на жалость, либо просто слишком откровенен.

Фанатка танцев. По шкале один – десять я бы оценила своего последнего на пять. Он больше интересовался теликом, чем мной.

Кошатница. Мой был не столь плох в постели, но ужасен в моих счетах за междугородку.

Размышляя о личной жизни Мэгги, Ник ждал, что же она ответит. Но Мэгги ничего не ответила, и он подсоединился к разговору, чтобы не дать ему заглухнуть. Ему не хотелось говорить об Ирэн и даже думать о ней в свете заданного вопроса – он ненавидел чувство вины, которое накатывало каждый раз, когда он вспоминал о ней. Но в любом случае он ответил честно.

Горный байкер. Думаю, я был влюблен в свою. И секс получался великолепным.

Закман. И что произошло?

Очевидно, он был влюблен в нее не так сильно, как предполагал. Когда их отношения развились настолько, что она стала наседать на него, торопя со свадьбой, он в конце концов согласился, а в день свадьбы сбежал. Свадебный прием пришлось отменить, а подарки вернуть. Ирэн возненавидела его, и он не винил ее за это. Но и не жалел о своем решении отменить свадьбу. Но конкретики он все же решил избежать.

Горный байкер. Мы выяснили, что не подходим друг другу.

Ник, безусловно, не гордился своим поступком, но, по крайней мере, сейчас лучше понимал себя. Он мог заигрывать с идеей брака, но где-то глубоко внутри не хотел приносить жертвы, которых потребовали бы семейные узы. Его работа не способствовала постоянству в чем-либо, и это только усугубляло проблему.

Закман. Мне жаль.

Горный байкер. А вы, Закман? Как вы оцениваете своего последнего любовника?

Закман. Мне сложно сказать. У меня был всего один. Мне не с кем его сравнивать.

Кошатница. Да ладно, я слышала о нем достаточно, чтобы понять: не лучше гипотетического второго-третьего.

Пит 010. Все женщины говорят, что были только с одним или двумя.

Кошатница. Что касается Закман – это правда. Она застенчивая и скованная. И не понимает, что хороший секс – это наше все.

Закман. Когда-нибудь я найду правильного мужчину.

В сознании Ника тут же всплыла Мэгги, такая, какой он хотел ее сфотографировать. Он глубоко вздохнул и напомнил себе, что приехал в Сакраменто, чтобы найти убийцу, а не заниматься волонтером на курсы обучения сексу.

Пит 010. Ну, для хорошего секса не нужна любовь. Не знаю, почему женщины вечно считают по-другому.

Закман. Возможно, кому-то и не нужна, а мне – да.

Рыжая ракета. А что случилось с твоим первым-вторым-третьим-единственным, Закман? Я поняла, что вы больше не вместе.

Закман. Я хотела ребенка. Тим сперва согласился, но потом несколько им не интересовался. Я не смогла принять его безразличное и пренебрежительное отношение.

Торный байкер. Жалеешь, что настаивала на ребенке?

Закман. Нет, у меня же теперь есть Зак. Когда он обнимает меня, это стоит больше, чем все, что давал мне Тим, вместе взятое.

Кошатница. Тим наказывал тебя, лишая проявлений нежности.

Закман. Черт побери, разве в чатах принято так углубляться в личную жизнь? Куда делось наше обсуждение животных?

Фанатка танцев. Да, и никто даже не спросил меня, почему я хотела бы быть лошадкой.

Рыжая ракета. Постойте, а я еще не оценила своего последнего любовника.

Рыжая ракета и еще несколько человек принялись пространно рассуждать о сексуальных способностях и промахах своих прошлых партнеров, и через несколько минут Ник заметил, что Закман больше не появляется у него на экране. Кошатница ушла немногим позже. Они явно решили, что в этом чате не стоит искать себе мужчин. Он не возражал, поскольку уже успел познакомиться с Мэгги, выяснил ее взгляды, а также адрес электронной почты.

На данный момент этого было вполне достаточно.

Была ночь пятницы. Мэгги скинула туфли, в которых было слишком жарко для калифорнийского лета, и опустилась на стул перед компьютером. Уехав два года назад после развода из Лос-Анджелеса, она купила в Мидтауне старый дом и с тех пор в нем жила. В половине здания на ее улице размещались маленькие конторы и крошечные магазинчики, отчего население было весьма пестрым: временные и постоянные жильцы всевозможных национальностей, не говоря уже о местных бездомных. Здесь не было супермаркетов и огромных торговых центров, только частные продуктовые лавки, модные кофейни и вкрапления магазинов секонд-хенда. Но Мэгги здесь нравилось. Мидтаун был весьма колоритен и имел неповторимый характер. Его старомодная архитектура была не столь впечатляющая, как в легендарные сороковые; красивых старых домов осталось всего несколько улиц в нескольких милях друг от друга, но и окрестные дома имели неплохой запас прочности. Ее собственный дом нуждался только в хорошей покраске и уходе за старым заброшенным садом, чем она и собиралась заняться, когда выкроит достаточно времени и денег. А пока Мэгги только обновила обои в своей спальне – на старых были большие выцветшие букеты роз, очень напоминавшие те, что обожает ее двоюродная тетя Рита.

На самом деле дом чем-то напоминал тетю Риту – стареющую, несмотря на свое решительное неприятие этого, – но у Мэгги были на него большие планы. Вглядываясь в темноту за окном, она подумала, не снять ли ей с фасадных окон железные решетки. По словам соседа, предыдущий владелец дома, пожилой вдовец, собирался поставить решетки везде, где только можно, но потом он скончался, а сын, унаследовав дом, не стал заканчивать эту работу. Решетки казались Мэгги бельмом на глазу, но потом она вспомнила, что тело Сары Риттер нашли всего в нескольких кварталах отсюда, и решила, что не будет их снимать.

Взглянув на часы и убедившись, что для звонка еще не слишком поздно, она набрала номер детектива Мендеса. После того как Лоуэлл Аткинсон отмахнулся от нее два дня назад, она не смогла поговорить ни с одним детективом. Обычно пользовалась голосовой почтой, но ее сообщения сейчас игнорировали. Тем не менее она собиралась заполучить отчет коронера, даже если ей завтра с утра придется раскинуть лагерь перед домом Лоуэлла.

– Детектив Мендес.

Мэгги от удивления села. Похоже, чудеса все же случаются.

– Детектив? Это Мэгги Рассел из «Сакраменто...

– ...трибюн». Я знаю, кто вы. Черт возьми, вы, репортеры, вообще отдыхаете? Уже десять вечера, а сегодня пятница.

– Если вы проверяли голосовую почту, то знаете, что раньше я уже пыталась связаться с вами. Сегодня я оставляла сообщения по меньшей мере раз пять. А вчера – восемь.

– А позавчера – три. Я получил ваши сообщения, миссис Рассел, но я занятой человек. Что я могу для вас сделать?

– Я пишу новую статью об убийстве Риттер и надеюсь, что вы ответите на кое-какие вопросы.

Он заколебался.

– Конечно. И вот вам мои ответы – это не серийное убийство. Мы продвигаемся в расследовании и поймал этого ублюдка.

– Я не собиралась спрашивать, было ли это серийное убийство, детектив Мендес. С какой стати?

– А мне откуда знать, черт возьми?

– Вы ждали такого вопроса? Значит, у вас должны быть на то причины.

– Не передергивайте мои слова, миссис Рассел. Я уже отдал вам заявление для прессы.

– Отдали. И оно просто блестяще, должна вам сказать. У меня к вам только один вопрос.

Я хочу увидеть копию отчета коронера.

– Да неужели? Ах простите, я прямо сейчас вам ее подвезу.

Мэгги проигнорировала его сарказм:

– Факса вполне достаточно. Либо я могу заехать в участок. Назовите день и время.

– На следующей неделе у меня все расписано. Как насчет следующей пятницы?

Да что за проблемы у этого парня?

– Ваши коллеги, по крайней мере, делают вид, что сотрудничают с прессой.

– Я не хочу оскорблять вас такими играми.

– Ну, вы уже оскорбили меня, не прибегая к играм. Это что, такой большой секрет?

– Нет никаких секретов. Убили женщину. Мы ищем ее убийцу. У меня достаточно работы и без того, чтобы протоколировать для вас каждое свое движение.

– Извините, но я не верю, что убийство было несерийным – во всяком случае, теперь уже не верю. Кого еще убили, детектив? Есть еще жертвы?

Мендес выругался, на другом конце провода раздался щелчок, и телефон отключился.

«Вот придурок!» – разозлилась Мэгги.

Если он думает, что ее так легко заткнуть, его ждет сюрприз. Эта история может стать ее билетом к славе, повышению и некоторой порции уважения. Однажды пожертвовав всем ради счастья Тима, она сделает что угодно, чтобы испытать гордость за свою работу.

– Мапочка, мне надо на горшочек.

Зак стоял в дверях ее комнаты и тер сонные глаза. Перед этим они вместе смотрели диснеевский фильм, и он заснул, не успев раздеться и умыться. С улыбкой глядя на его взъерошенные светлые волосики и круглые щечки, она сгребла его в охапку и отнесла в ванную.

Уложив сына в постель и подоткнув одеяло, Мэгги вернулась к себе в спальню и включила оконный кондиционер. Если в начале июля такая жара ночью, то в недалеком будущем у нее будут проблемы. Обои, двор и покраска – все это придется отложить и потратить деньги на установку центрального кондиционера. Она не вынесет, если это лето будет таким, как прошлое. У Зака в комнате был вентилятор, но проблемы он не решал.

Снова сев за компьютер, она вышла в Интернет, собираясь посмотреть газеты. Мендес утверждал, что убийство Риттер было несерийным преступлением, но, по сути, он ответил

раньше, чем она задала вопрос, да еще и таким тоном, словно защищался. Почему? Испугался, что она свяжет это убийство с каким-то другим? Но в Сакраменто раньше не случалось подобного, во всяком случае, со времени ее переезда сюда. Однако, может быть, такие убийства происходили где-то еще. И тогда у полиции на руках оказывалось дело о серийном убийце. Если все так, неудивительно, что они такие нервные.

«Для вас есть почта», – радостно сообщил Мэгги компьютер.

Мэгги щелкнула мышкой по почтовому ящику и обнаружила в нем письмо из Айовы от матери, шуточное послание от тети Риты, которая жила сейчас у матери Мэгги, спам от туристических фирм и компаний, предлагающих кредитные карты, и целый набор рекламных рассылок от Дарлы. В самом низу списка она обнаружила сообщение от какого-то Горного байкера.

«А это еще кто такой?» – удивилась она, но еще до того, как сообщение открылось, вспомнила. Ах да, тот парень из чата.

*Закман,
прошлым вечером ты показалась немного застенчивой, и я подумал,
что могу черкнуть тебе пару строчек на случай, если ты интересуешься
перепиской по электронной почте. Я редко бываю в чатах и считаю, что там
очень сложно понять, кем человек на самом деле является. Там толпа и все
одновременно разговаривают, а темы разговоров или скучные, или немного
через край. Но если у тебя уже кто-то есть или мое предложение тебя не
заинтересовало, нет проблем. Просто подумалось, что на твоём месте мне
бы захотелось попереписываться.*

Ну что, будем друзьями?

Джон.

– Да что ты об этом знаешь, – пробормотала она.

Итак, Горного байкера зовут Джон. Она кликнула «ответить», но не успела ничего напечатать, потому что на экран выскочило окошко мини-чата с сообщением от Дарлы.

Кошатница. Что собираешься делать вечером?

У Мэгги мелькнула мысль сказать, что она собирается обыскивать всю страну на предмет статей об убийствах, похожих на убийство Сары Риттер, но решила этого не делать. Дарла не выносила грязные подробности преступлений, да и копов тоже, так что Мэгги просто зря потратила бы время.

Закман. Просто болтаюсь по Сети.

Кошатница. Где-то развлекаешься?

Закман. Нет.

Кошатница. Ник Соренсон вчера с тобой не разговаривал?

Закман. Его не было в офисе.

Кошатница. О, так ты знаешь, что его не было. Теперь ты сама за ним следишь?

Мэгги не хотелось даже самой себе признаваться, что мимолетный взгляд через проход на стол Ника уже стал для нее привычным.

Закман. Нет, конечно.

Кошатница. Не могу поверить, что ты не считаешь его красавчиком.

Да, Мэгги была в этом уверена.

Закман. Я просто не хочу, чтобы он подходил слишком близко. Мне от этого неуютно.

Кошатница. Тебе надо просто немного расслабиться и поразвлечься.

Закман. С чего ты взяла, что я развлекался бы в его обществе?

Кошатница. Ты шутишь? Что за вопрос!

Мэгги хихикнула.

Закман. Он слишком серьезный для развлечений. Сосредоточенный такой, весь в работе.

Кошатница. Ага. Только представь, что будет, если этот чистый тестостерон обратит на тебя внимание.

Закман. Для чего? Для одной ночи? И что в этом будет для меня хорошего?

Кошатница. Вечная реалистка, да? Ладно, забудь про Ника. Ты будешь обращаться в службу знакомств?

Закман. Нет, я собираюсь копить на кондиционер.

Мэгги потянулась, чувствуя, что на нее наваливается усталость, скопившаяся за целую неделю бессонных ночей.

Закман. Мне пора. От этого убийства сплошной адреналин. Только сейчас начинаю приходить в себя.

Кошатница. Ну и ну, а откуда же у тебя тогда другие хорошие репортажи?

Закман. Как откуда – я же оставляю тебе все соревнования по танцам с тросточкой.

Кошатница. Очень смешно.

Закман. Извини.

Кошатница. Иди спать. Зак очень рано просыпается.

– Ты это серьезно? – пробормотала Мэгги себе под нос. Она попрощалась и отключила мини-чат, а затем уставилась на пока еще пустое поле сообщения, адресованного Горному байкеру. И что теперь? Ей действительно стоит ему ответить?

А почему бы и нет? Анонимность дает широкие возможности. Если он окажется психом, она просто не будет больше ему писать. А если станет ей надоедать, она сменит почтовый ящик. Он же не знает, где она живет. После двух лет жизни в Сакраменто без единого намека на романтические отношения она уже созрела расширить свои горизонты, и электронная почта показала ей отличной площадкой.

Дорогой Горный байкер.

Я буду рада с тобой познакомиться, хотя и не уверена, что готова к чему-то большему, чем просто дружба.

Расскажи о себе: кто ты, где живешь, чем занимаешься.

Я думаю, ты помнишь, что я одинокая мама. У меня есть сынишка трех с половиной лет. Мой рост пять футов и пять дюймов, вес сто пятнадцать фунтов ³, у меня рыжие волосы, зеленые глаза и веснушки. И если это тебя не отпугнет (а вполне может отпугнуть): я работаю криминальным репортером в ночную смену и сейчас слежу за расследованием убийства. Большую часть моей жизни заполняют детали избиений, изнасилований и тому подобного. Но в промежутке между ними я пытаюсь быть обычной женщиной. Я слегка помешана на здоровой пище, но когда решаю кутнуть, то люблю поесть кофейного мороженого и клубники, политой шоколадом (не обязательно с кем-то вместе «ухмылка»). Кроме того, я люблю валяться на горячем песке и читать женские романы – наверное, потому, что для меня слишком мучительно то, с чем я сталкиваюсь по работе. Я люблю всякие «жили они долго и счастливо», терпеть не могу ждать, не умею готовить суп из пакетика или пришить пуговицу, но могу поменять в машине масло и подстричь лужайку перед домом.

Думаю, ты уже много узнал обо мне, может, даже больше, чем хотел.

А теперь твоя очередь.

³ 165 сантиметров и 53 килограмма.

Она подписалась «Мэгги», нажала на кнопку «послать» и вышла в Интернет, где быстро забыла о Горном байкере, потому что стала просматривать центральные газеты, начав с «Нью-Йорк тайме». Часть преступлений были столь ужасающи, что у нее сами собой поджались пальцы на ногах. Особенно сильное впечатление производили те, что были связаны с растлением малолетних или насилием над детьми, так что довольно скоро ей пришлось отказаться от этой идеи. Насилие оставляло у нее в душе ощущение горя и безнадежности, а без отчета коронера она слишком мало знала о состоянии тела Сары Риттер, чтобы найти какую-то связь между ее убийством и остальными. «Я просто зря потратила время», – подумала она.

Зевая во весь рот, она решила завтра встать пораньше и съездить к дому Аткинсона с большой коробкой пончиков и горячим кофе. Лошадь идет куда охотнее, если ее поманить сахарком. С Лоуэллом тоже должно было сработать.

Она забралась в постель, но не смогла заставить себя уснуть. Прочитанные статьи об убийствах лишили ее покоя. Деревья за окном отбрасывали на ковер тени, их узловатые и переплетающиеся ветви иногда образовывали на полу силуэт мужчины, и Мэгги подумалось, что кто-то может снять с ее окна кондиционер и через отверстие влезть в дом. Впрочем, грабителям даже не было необходимости так изощряться. Из-за жары часть окон в доме были открыты и на некоторых не было решеток, потому что только так ей удавалось добиться сквозняка.

Мэгги показалось, что из гостиной доносятся шаги и какой-то шелест. Она замерла и затаила дыхание.

«Там никого нет», – сказала она себе. Натянула простыню до самого подбородка, сопротивляясь желанию спрятаться под нее с головой, и постаралась отвлечься.

К счастью – или, к сожалению, в зависимости от того, с какой стороны на это посмотреть, – ей на ум с готовностью пришел Ник Соренсон. Она постаралась представить поцелуй мужчины, такого, как он, полной противоположности Тиму – сплошной огонь и никакого льда. Но в ее фантазии вторглись воспоминания о Роке Тилмане. Она припомнила, как они однажды летом познакомились, все свои первоначальные надежды и влечение, и как он стал к ней относиться, когда каникулы закончились, – словно она была прокаженной.

Она вообразила себя раскованной Дарлой и быстро забыла о Роке. У нее сразу исчезли все проблемы с тем, чтобы представить поцелуй Ника – или кого-то еще.

Глава 3

Бинго! Она проглотила приманку. Ник улыбался ответу Мэгги, находя ее личные пристрастия еще интереснее, чем он себе представлял. Она любит политую шоколадом клубнику, кофейное мороженое и песчаные пляжи. Все это, вкупе с неумением готовить и шить, означало, что у них много общего. К счастью, он отлично заказывает еду на вынос. А кроме того, связь с женщиной, которая умеет поменять масло в машине, не самое плохое, что может случиться.

Связь с Мэгги? Шутит он, что ли? С этической точки зрения он не может к ней даже прикоснуться. Все равно он вернется в Огден, как только поймает убийцу.

– Забудь об этом, – проворчал Ник себе под нос.

Рэмбо, который спал у его ног, свернувшись в клубочек, тут же поднял голову и навестирил уши. Ник рассеянно погладил пса по голове, пытаясь придумать ответ, который втянет Мэгги в дружеские отношения. Ему надо поближе познакомиться с ней, узнать ее привычки.

Ему надо делать свою работу.

Он снова перечитал сообщение Мэгги. Что бы такое написать, изображая доброго и чувствительного парня? Женщины любят мужчин, у которых присутствует женское начало, так ведь?

Может, и так. Вот только будучи копом, он не видел у себя в характере никакого женского начала, а ему хотелось понравиться Мэгги таким, какой он есть. Может, это перебило бы ее изначальное желание отказать. Или даже больше. Но ему хотелось остаться честным настолько, насколько позволит работа под прикрытием. Он написал, что ему на самом деле нравится, чего он терпеть не может, а еще – о чем мечтает. И отослал сообщение. Она могла завернуть его до того, как удастся попросить ее о свидании, но он надеялся, что «Джон» сможет проскользнуть под ее броню.

– Mamочка, я профнулся!

Мэгги скосила взгляд на круглое личико, склонившееся над ней, и застонала.

– Зак, еще даже не рассвело.

– Мофно, я посмотрю мультфики? – спросил тот.

Мэгги улыбнулась его шепелявости, страстно желая, чтобы поскорее наступил день, когда Зак сможет включить телевизор без ее помощи. Но потом вспомнила, что он и так растет очень быстро, и пожалела о своем мимолетном желании. В свои три года он был на идеальной стадии развития – подгузники, колыбелька и высокий стульчик остались позади, но он до сих пор любит, чтобы его обнимали, и обожает обниматься сам.

Заставив себя вылезти из теплой постели, она притянула к себе Зака и расцеловала его. Посадив сына на диван смотреть «Утиные истории», она включила кофеварку и сунула в тостер замороженные вафли. Было позднее, чем ей казалось; открыв жалюзи, она увидела, что солнце уже встало. Надо принять душ, и она будет готова к осаде дома Аткинсона.

– Хочешь есть? – спросила она у Зака.

Тот не ответил, поглощенный мультиками. Мэгги приготовила ему вафли с арахисовым маслом, как он любил, и принесла на подносе.

– Я иду в душ, малыш.

– Хорошо. – И после паузы: – Mamочка?

– М-м-м?

– Я буду тут, – сказал он, вгрызаясь в вафлю.

Мэгги взлохматила ему волосы и заторопилась в спальню, но, прежде чем сбросить ночную рубашку и включить душ, проверила электронную почту, желая узнать, не ответил ли ей Горный байкер.

Оказалось, ответил, его сообщение было на самом верху списка.

Дорогая Мэгги.

Ты кажешься мне милой и красивой.

Красивой? Как он мог прийти к такому выводу из ее письма? А милой? Этот парень или убежденный оптимист, или просто очень одинок. Но, несмотря ни на что, его слова были ей приятны.

Что до меня, то я люблю горные велосипеды, паруса, пляжный волейбол и юридические триллеры ⁴. Терпеть не могу иппинат, вне зависимости от его питательной ценности, бестолковых водителей и людей, которые пытаются убедить весь мир, что мужчины и женщины во всем должны быть равны. Мне нравятся те различия, которые есть между полами.

Я вырос в большой католической семье. У меня три сестры и два брата, мать-домохозяйка и отец – управляющий большим медным рудником в Юте. Четыре года назад он отошел от дел. Родители у нас строгие, но мы всегда знали, что нас любят, и, вероятно, это спасло всех от обращения к психиатру. Сейчас родители надеются, что я найду себе жену и осяду где-нибудь с кучей детишек; но пусть это тебя не беспокоит. Работа отнимает все мое время. И я очень сомневаюсь, что в ближайшее время женюсь...

Горный байкер. Привет, Мэгги.

Мэгги моргнула, когда синее окошечко мини-чата внезапно появилось у нее на экране. Горный байкер приглашал ее к разговору. Она запаниковала и отключила чат, решив выйти из виртуальной игры в знакомства.

Но ей уже давно не шестнадцать. Она уже не школьница в немодной одежде и со скобками на зубах, а этот парень ничего о ней не знает. Ей нет нужды стараться произвести на него впечатление. Она даже не знает, где он живет. Она снова включила чат.

Закман. Привет, Джон.

Горный байкер. Ты получила мое письмо?

Закман. Как раз читаю его. Должна признаться, мне понравилось, что ты назвал меня милой и красивой, хотя это прозвучало бы более убедительно, если бы ты сначала посмотрел на мою фотографию.

Горный байкер. У меня хорошее воображение.

Закман. Тогда пришли мне свое фото, потому что я совершенно не представляю, как ты выглядишь.

Горный байкер. Моя внешность имеет значение?

Закман. Мне любопытно.

Горный байкер. Рост шесть футов и два дюйма, вес сто девяносто пять фунтов ⁵, темные волосы, карие глаза.

Закман. Ты до сих пор живешь в Юте?

Горный байкер. Да.

Закман. Сколько тебе лет?

Горный байкер. Тридцать три.

Закман. Разведен?

Горный байкер. Нет. Никогда не был женат.

Закман. А был близок к этому?

⁴ Юридические триллеры – подвид триллеров, где главными героями являются адвокаты и адвокатские конторы. К этому жанру принадлежат многие книги Д. Гришема.

⁵ 188 сантиметров и 89 килограммов.

Горный байкер. Один раз был помолвлен.

Закман. С женщиной, о которой ты упоминал в чате?

Горный байкер. Да.

Закман. Когда было это?

Горный байкер. Три года назад.

Раздумывая, Мэгги постукивала по зубам ногтем. Ей очень не хотелось продвигаться вперед так быстро, но она не стала бы тратить время на парня, который до сих пор любит другую. Приободренная анонимностью виртуального пространства, она решила сразу взять быка за рога.

Закман. У вас с ней все кончено?

Горный байкер. Думаю, да. А ты всегда такая прямолинейная?

Закман. Как правило. Я ведь журналистка, помнишь? Задавать трудные вопросы – моя работа. Так вы больше с ней не встречаетесь?

Горный байкер. Нет, она вышла замуж.

Закман. Мне кажется, что ваш разрыв сильно повлиял на тебя, хотя я могу только догадываться об этом.

Горный байкер. Мне жаль, что я не принял на себя главный удар. К сожалению, думаю, на ней наш разрыв отразился гораздо сильнее. А как насчет тебя? Есть кто-то особенный в жизни?

Закман. Только мой сын Зак.

Горный байкер. Расскажи мне о нем.

Мэгги недоверчиво уставилась на слова Горного байкера. Он хочет узнать о Заке? Почему-то она не ожидала, что он может спросить ее о сыне. Вероятно, она невольно перенесла отношение к нему Тима на всех остальных мужчин. Возможно, Горный байкер по имени Джон – не такой.

С улыбкой она сообщила ему, что Зак шепелявит, что он блондин, рослый для своего возраста и обожает баскетбол. Что они вдвоем постоянно играют на заднем дворе, где есть настоящее баскетбольное кольцо. И Зак уже умеет вести мяч.

Горный байкер. Похоже, он замечательный пацан. А что его отец?

Закман. Когда я забеременела, Тим потребовал, чтобы я сделала аборт. Он сказал, что не готов воспитывать ребенка. Но я отказалась, и это стало последней соломинкой, переломившей спину верблюду.

Горный байкер. Чем он сейчас занимается?

Закман. Работает ортопедом. Когда мы поженились, он еще учился на врача.

Горный байкер. Ты ему помогала?

Закман. Да.

Горный байкер. Как журналист?

Закман. Не совсем.

Мэгги заколебалась. Ей было неприятно вспоминать эту часть своей жизни. Она продавалась, вот так просто продавалась, потому что Тим попросил ее об этом. В его интерпретации ее карьера казалась чем-то совсем малозначимым по сравнению с его карьерой, и на какое-то время она сама тоже в это поверила.

Закман. Чтобы получить работу в лос-анджелесской газете, мне пришлось несколько лет работать на них практически бесплатно. Нам были нужны деньги на образование Тима, и он убедил меня пойти работать в один из таблоидов. Мы жили недалеко от Голливуда, и это способствовало такому выбору.

Горный байкер. Звучит так, словно ты об этом сожалеешь.

Закман. Сожалею. Не к таким статьям я стремилась в университете, но Тим всегда умел убеждать. Он жаждал успеха больше чем чего бы то ни было, и у него были планы добиться своего. Единственной загвоздкой стало то, что его план основывался на моей большой зар-

плате. Дети не входили в его планы с самого начала, и ему не понравилось, что придется с ними смириться.

Горный байкер. Так он все-таки добился успеха?

Закман. Думаю, что да. У него своя практика, новая жена, модная машина и огромный дом.

Горный байкер. А у тебя...

Закман. Старый дом, которому нужен центральный кондиционер и покраска, моя работа, которая должна в конце концов привести меня, куда я хочу, и Зак. Но Зак стоит больше, чем все машины, дома и деньги, вместе взятые. На самом деле мне отчасти даже жаль Тима. Он так много упускает.

Горный байкер. Не стоит его жалеть. Он этого не заслуживает. Он дает тебе деньги на ребенка, поддерживает хоть какие-то отношения с ним?

Закман. Нет. Он никогда не хотел Зака и не интересовался правом посещения, а просить денег у меня не хватало нервов. Я решила, что лучше полностью порвать все отношения и самой дать Заку все, что смогу.

Горный байкер. Как ты вообще встретила с этим Тимом?

Закман. Мы познакомились в университете. Он был энергичным, амбициозным, успешным и уверенным. Я сразу влюбилась в него. И разлюбила вскоре после свадьбы, по тем же самым причинам.

Горный байкер. А сейчас? Ты с кем-нибудь встречаешься?

Закман. О да. С кучей парней. В выходные они выстраиваются в очередь у моей двери.

Горный байкер. И как долго длится ожидание?

Ожидание кого-то подходящего? Мэгги тоскливо вздохнула. Мистеру Подходящему ждать бы не пришлось, но она не надеялась найти его в ближайшем будущем.

– Мапочка, ты пифеешь е-мэйл? – прервал ее мысли Зак, заходя в комнату.

– Да, малыш.

– Мофно мне ефе молока?

– Одну минуту, милый.

Когда сын приблизился, она притянула его к себе и боком посадила на колени, обдумывая ответ Горному байкеру.

Закман. Это от разного зависит.

Горный байкер. От внешности или от личности?

Закман. Определенно от личности.

Горный байкер. И как далеко стою я?

Она хихикнула.

Закман. Ближе всех остальных, но мы живем на огромном расстоянии друг от друга.

Горный байкер. Мы можем оказаться ближе, чем ты думаешь.

Закман. И как же, интересно знать?

Горный байкер. Может, как-нибудь встретимся. Может, однажды я появлюсь у тебя дома с клубникой, политой шоколадом, и кофейным мороженым, и мы махнем куда-нибудь на пляж.

Закман. Ты хочешь, чтобы я дала свой адрес?

Горный байкер. Нет. Я не хочу, чтобы ты с кем бы то ни было делилась этой информацией. Ни сейчас, ни потом. Это слишком опасно.

Заинтригованная, Мэгги подняла бровь. Джон кажется таким милым – заботливым и ответственным. Он начинал ей нравиться.

Закман. Но ведь тебе-то можно доверять?

Горный байкер. Целиком и полностью.

Закман. Чем ты зарабатываешь на жизнь?

Горный байкер. Можно сказать, это что-то типа охранника.

Охранник? Не слишком впечатляюще. Тим посмеялся бы над ней и сказал, что по глупости она получила в дружки бывшего копа-наемника за десять долларов в час. Какой из него добытчик?

Хорошо, что они с Тимом никогда не смотрели на успешность одинаково. И хорошо, что ей не пришлось брать талоны на питание, что она смогла сама зарабатывать на жизнь. Может, она никогда и не разбогатеет, но легко это переживет. Ей хочется найти человека, которого будет интересовать и жизнь, и любовь и который не забудет о простых вещах. Кого-то, кто станет ценить ее больше своего нового БМВ.

«Я отлично провела с тобой время, – написала она, сама этому удивляясь, – но сейчас мне пора на работу. Может, продолжим позже?»

Горный байкер. Ты работаешь по субботам?

Закман. Я обычно работаю в ночную смену с понедельника по пятницу, но на этой неделе поменялась сменами с парнем, у которого была дневная в среду. Это дало мне возможность вчера выспаться, и теперь я должна заняться кое-какими делами.

Горный байкер. Например, той историей, которую ты упоминала? Убийством?

Закман. Да.

Горный байкер. И как журналист может отслеживать нечто подобное?

Закман. Это непросто. В данный момент, к примеру, коронер графства не желает помогать мне. Не дает мне никакой информации о трупе, обнаруженном на прошлой неделе. Так что я собираюсь подъехать к его дому, захватив с собой завтрак, и попробовать поймать удачу за хвост.

Горный байкер. Может, полиция велела ему ничего не рассказывать.

Закман. Я в этом не сомневаюсь.

Горный байкер. Но ты репортер, и тебя это не останавливает, так?

Закман. Выяснить правду – моя работа.

Горный байкер. А если есть серьезная причина держать тебя в неведении?

Закман. Не уверена, что я бы на это купилась. Иногда полиция пытается манипулировать СМИ, просто чтобы лучше выглядеть в глазах общества.

Горный байкер. Думаю, наши мнения по этому поводу разнятся. Ты попозже напишешь мне?

Закман. Если хочешь.

Горный байкер. Хочу. Ты работаешь сегодня вечером?

Закман. Да, с десяти.

Горный байкер. Тогда выходи в Сеть часов в семь, и я устрою тебе виртуальное свидание.

Закман. Как это?

Горный байкер. Увидишь (я надеюсь). По дороге придумаю ⁶.

Мэгги напечатала LOL ⁷ и, поддразнивая, прибавила, что будет сама за себя платить.

На время визита к Аткинсону Мэгги собиралась оставить Зака с пожилой соседкой, которая обычно за ним приглядывала. Но у миссис Грубер что-то случилось с зубным протезом, и она уехала к дантисту, так что Мэгги решила взять сына с собой. Возможно, это даже станет для нее дополнительным преимуществом. Зак понесет коробку с пончиками, а она – поднос с кофе и горячим шоколадом. А кроме того, ей просто нравилось брать его с собой.

Она припарковалась под высокими густыми деревьями, которые покрывали большую часть Тридцать шестой авеню, выключила приемник полицейской волны и оглядела дом Аткинсона. Она всегда восхищалась им. По современным стандартам он не был особенно

⁶ Фраза из фильма про Индиану Джонса.

⁷ LOL – принятое в Интернете сокращение от Laughing Out Loud, означающее громкий смех.

велик, но в нем определенно чувствовался класс. Маленький, отдельно стоящий гараж, ухоженный кустарник, множество цветов и раскидистых деревьев, свежий слой краски на всем, включая забор. Мэгги подумала, что ей хотелось бы жить по соседству, если она когда-нибудь сможет себе это позволить. Покупая здесь дома, люди оставались надолго. Они косили свои лужайки, водили семейные автомобили и не забывали махать вслед соседям.

– Можно мне еще? – спросил Зак, приподнимая крышку коробки с пончиками, пока Мэгги заводила машину.

Все личико и ручки у него уже были в шоколадной глазури. Мэгги посмотрела на его пока еще относительно чистую рубашку и решила испытывать судьбу:

– Приятель, с тебя уже достаточно.

Она вытащила носовой платок из отделения для перчаток и постаралась отчистить Зака способом, который использовала еще ее бабушка, – «поплюй и потри». Терпения Зака хватило ненадолго, он стал так усиленно вертеться, что Мэгги отказалась от дальнейших попыток.

– Ладно, пошли, – в конце концов сказала она.

* * *

Высокая и гибкая Мэри Энн Аткинсон вышла открывать дверь в одном халате, но выглядела она так, словно был еще разгар вечера, а не раннее утро. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, она уже успела подкрасить ресницы, а карие глаза подвести фиолетовыми тенями.

– Привет, Мэгги. Лоуэлл сказал, что ты сегодня не дежуришь.

– Он так сказал?

– Да. Хочешь зайти?

Мэгги помедлила. Ее очень занимал вопрос, как Лоуэлл мог узнать, что она собирается к нему. Она репортер, и он избегал ее вопросов. Может, конечно, он просто предположил это, но было несколько странно, что он так точно определил день.

– Как Лоуэлл узнал, что я собираюсь приехать? – спросила она.

Мэри Энн улыбнулась:

– А ты не звонила ему?

– Нет. Он дома?

– К сожалению, нет, но это не причина позволить этим пончикам пропасть зря. – Она отошла от двери. – Зайдешь?

– Конечно. Зак с удовольствием повидается с Кэйти. С нашего пикника прошел уже почти год.

Кэйти, пятилетняя дочка Мэри Энн, застенчиво смотрела на гостей через решетку внутреннего балкончика, пока Мэри Энн впускала их в дом. Мэри Энн позвала ее вниз и провела Мэгги с Заком на застекленную веранду через уютную гостиную, отделанную в коричневых и зеленых тонах, где спал в электрокачелях ее шестимесячный сын. Они уселись за металлический столик на обитые тканью сиденья, Кэйти держалась позади и опасливо поглядывала на Зака. Ее осторожность, однако, мгновенно улетучилась, когда Зак заметил ее трехколесный велосипед и уселся на него.

Мэри Энн прервала возмущенные крики дочери и нашла для Зака меньшую игрушку, на которой можно было ездить. Они с Мэгги стали смотреть, как дети играют во внутреннем дворике, выложенном плиткой.

– Правда, погода замечательная? – спросила Мэри Энн. – Люблю это время года.

– Похоже, лето будет жарким, – ответила Мэгги.

– В Сакраменто жара каждое лето.

– Я заметила.

– Ты уже купила кондиционер? Помню, прошлое лето ты провела без него.

– Я решила сэкономить две тысячи баксов и купила вентилятор.

Мэри Энн засмеялась:

– Лучше бы ты сэкономила двадцать баксов, которые потратила на вентилятор, потому что всего через две недели от него уже не будет пользы.

– Даже после покупки кондиционера я буду надеяться на открытые по ночам окна и вентилятор, иначе счета за электричество взлетят до небес. По крайней мере по ночам, которые я провожу дома.

– Тогда ты храбрее меня. Я запираю все окна и двери после убийства Риттер.

Мэгги поставила чуть поодаль детские чашки с горячим шоколадом, чтобы они остыли, и взяла с картонного подноса, предназначенного для Мэри Энн, старбаксовский ⁸ пластиковый стакан. После чего открыла пончики.

– Не позволяй себя запугать. Большинство убийств совершаются другом семьи или родственником, так что, пока кто-нибудь из твоих близких не сойдет с катушек, ты в безопасности. – Мэгги взяла шоколадный пончик и откинулась на спинку стула. – В случае Сары Риттер это ее муж, я думаю. Наверное, она собиралась подать на развод, или что-то подобное, а он взвился под небеса и ударил ее кухонным ножом. Мэри Энн взяла себе пончик с кленовой глазурью.

– Вот только убили ее не кухонным ножом. Оружие убийства было более острым и бороздки другие. Больше похоже на охотничий нож.

Мэгги, только откусившая от пончика, чуть не подавилась.

– Что-что? – переспросила она, закашлявшись. Мэри Энн украдкой глянула на дочку и отпила кофе.

– Лоуэлл, как и все остальные, иногда обсуждает дома свою работу.

– Так вскрытие уже сделано?

– Конечно. Его сделали в тот же день, когда нашли тело. Лоуэлл вернулся домой чуть ли не к полуночи.

– Ну и?... Он нашел что-нибудь необычное? Мэри Энн заколебалась.

– Муж уехал, чтобы не общаться с тобой. Он велел мне разыгрывать перед тобой дурочку.

– Я так и не поняла, как он узнал, что я собираюсь у вас появиться.

– Ему кто-то позвонил. Я думала, это была ты.

– Нет, не я, но кто же тогда?

– Возможно, кто-то из коллег?

У Мэгги пропал аппетит, она отодвинула от себя пончик. Никто в полиции не мог знать ее планов на сегодняшнее утро. Как им удалось предупредить Лоуэлла? Они что, следили за ней и догадались, куда она направляется? Зачем тратить на это столько сил и времени? Должно быть, Мендес понял, какую вчера вечером допустил оплошность, и предупредил остальных.

– Мэри Энн, что происходит? – спросила Мэгги. – Лоуэлл никогда не считал, что меня нужно избегать.

– Он сказал, что это дело очень беспокоит полицию. Ему запретили хоть что-то рассказывать прессе.

– Произошло жестокое убийство, оно должно быть раскрыто как можно скорее. К чему такая секретность?

– Я не знаю. И сказать по правде, считаю, что это неправильно. Люди должны знать. Нужно предупредить женщин Сакраменто, предложить им запереть на ночь двери и окна и включать сигнализацию, если она есть.

⁸ Старбакс (Starbucks) – известная американская фирма, занимающаяся производством кофе и владеющая сетью одноименных кофеен.

Мэгги внимательно посмотрела на сердитое лицо Мэри Энн:

– Все так плохо? Та кивнула.

– Не скажешь мне, почему?

Мэри Энн вздохнула и понизила голос, чтобы ее не могли слышать дети.

– Бедной женщине вырезали язык, – сказала она, и от ее взгляда Мэгги замерла на месте. – Лоуэлл сказал, что он никогда еще не видел подобного. По его мнению, кем бы ни был убийца, ножом он владеет виртуозно.

Мэгги поежилась:

– Охотник или хирург?

– Скорее, серийный убийца, маньяк, – сказала Мэри Энн. – И больше всего ужасает, что этот парень убил уже шестерых. Первой жертвой была женщина из Бостона.

Значит, ее догадка была правильной. Вчера вечером она не нашла в Интернете того, что искала, но она искала не слишком долго и не знала, что должна отслеживать монстра, вырезающего своим жертвам языки. Этого явно хватило бы, чтобы выделить этого убийцу среди остальных.

– Когда? – спросила Мэгги.

– Десять месяцев назад. И его до сих пор не поймали.

Глава 4

– Значит, те синие волокна с какого-то одеяла? – Ник прижал телефон плечом и стал перебирать фотографии жертв. Все они были убиты далеко от мест, где их нашли, и все трупы перевозили завернутыми в одеяло. Судя по всему, в этом смысле дело Сары Риттер ничем не отличалось от остальных.

– Так показывает анализ. – В речи Тони Карузо явственно слышался виргинский акцент, хотя он уже почти двадцать лет работал в Вашингтоне, в криминалистической лаборатории ФБР.

– И что в нем?

На другом конце послышался шелест бумаги. Карузо прикрыл микрофон, разговаривая с кем-то в комнате, потом снова вернулся к разговору:

– Очень жаль, но одеяло было новым. А то мы могли бы найти что-нибудь полезное – например волос убийцы. Я еще не потерял надежду получить профиль ДНК этого парня. Но пока единственное, что мы знаем, – жертву завернули в дешевое одеяло, какое можно купить где угодно.

– А другие волокна, коричневые?

– Они соответствуют материалу ковриков, которыми выстилают багажники большинства машин, особенно тех, что подешевле.

– Если этот парень и врач, то не слишком успешный. Он возит тела не в БМВ или «мерседесе».

– Я бы предположил, что у него малолитражка, – согласился Тони. – И скорее всего, он специально для этого ее купил.

– Возможно. – Ник поднял на лоб очки и потер глаза. Малолитражки стоили дешевле грязи. Недорогие одеяла тоже не помогали сузить область поиска. Когда же доктор Дэн наконец сделает ошибку, которая действительно им что-то расскажет? – Вы нашли что-нибудь в содержимом из-под ногтей Сары Риттер?

– Нет ни кожи, ни чего-то подобного. Если она и сопротивлялась, ей не удалось его поцарапать. Там еще была почва, но она соответствует образцам из ее сада, что вы мне прислали. Думаю, она была заядлым садоводом. Я прав?

– Она как раз высадила помидоры. – Ник вспомнил посадки, что шли вдоль забора позади дома, – уже после гибели женщины он приходил к ней домой в поисках доказательств незаконного вторжения. Доказательств, которые он так и не нашел. Помидорные кустики были такими же нежными, юными и ранимыми, как и сын Сары Риттер. Воспоминания о шоке и горе, написанных на маленьком личике, заставили Ника сжать зубы. Он должен одержать верх над доктором Дэном. Прежде, чем тот еще кого-то убьет.

– Еще там присутствует некоторое количество песка, – продолжил Тони.

– Какого именно песка?

– Каменистого и разнородного. Такой бывает на берегах озер или речных отмелях.

...Скоро и мы увидим, что эта река вынесет...

– Неподалеку от места, где нашли труп, есть две реки. Я пошлю тебе образцы почвы с каждой. Может, мы сможем найти соответствующий.

– Жду твои образцы.

Американ-Ривер брала начало где-то в горах Сьерра-Невада, спускалась по предгорьям и пробивала себе путь по окрестностям Сакраменто. Там она встречалась с рекой Сакраменто, которая несла свои воды с севера к центру города, где располагался парк «Дискавери». По одной из отмелей Американ-Ривер имела около тридцати миль велотрассы, но дальше была

более открытой. Если бы у Ника был выбор, он предположил бы, что доктор Дэн убил Сару Риттер где-то здесь. Ниже по течению было много мест, где никто не услышит криков, и двух человек легко скроет густая листва. Особенно ночью. Над рекой были перекинuty автомобильные мосты, но на расстоянии нескольких миль друг от друга, и велосипедисты с упорством фанатиков переходили на велотрассу, как только начинало садиться солнце. Убийца вполне мог пройти незамеченным от машины до велотрассы, а от нее до моста и обратно – с женщиной или ее трупом на руках. Единственное, что оставалось непонятным, – зачем ему понадобилось это делать. Почему доктору Дэну просто не убить ее и не выкинуть тело в реку, вместо того чтобы тащить на себе к центру города?

В замке входной двери скрежетнул ключ. Рэмбо насторожил уши, завилял хвостом и вскочил с места. Брошенный на часы взгляд и нетерпеливая реакция Рэмбо сообщили Нику, что пришел Джастин, тринадцатилетний соседский мальчик, которому Ник платил за то, что тот каждый день кормит и выгуливает собаку. Кроме того, Джастин помогал Нику с выгулом, когда ему приходилось работать по многу часов кряду. К счастью, мальчик и пес прекрасно ладили с самого начала.

– Что-нибудь еще? – спросил Ник у Тони, жестом приглашая мальчика войти.

– Ты о следе ноги, который вы нашли в цветнике Лолы Филмор, двенадцатого размера?

⁹ Это спортивная обувь фирмы «Найк», точнее, подделка под нее.

Джастин нашел на кухне поводок и прикрепил к ошейнику Рэмбо.

– Мы вернемся через час, – шепотом сообщил он.

Ник кивнул в ответ, и мальчик с собакой скрылись за дверью.

– А что насчет износа?

– Ничего. Обувь совершенно новая. Ник стукнул кулаком по столу:

– Черт возьми! Неужели мы не можем это прекратить?

– Извини, я должен был позвонить сразу, как мы определились с обувью. Просто я знал, что это несколько тебе не поможет.

– Она дорогая?

– Стоит долларов двадцать пять в недорогих магазинах.

Наступила длинная пауза. Ник опустил на стул, переваривая неутешительную информацию. Все, что касалось доктора Дэна, отдавало дешевкой. Они не обнаружили ничего необычного, ничего, что могло бы помочь его отыскать.

– Как думаешь, доктор Дэн бедный человек? – внезапно спросил Тони, заставляя Ника отвлечься от своих мыслей. Тони был технарем и слишком занятым человеком, чтобы самому строить догадки. Это была вотчина агентов, которым приходилось рисковать, иногда основываясь на одной интуиции.

– Нет. Думаю, он просто умен, – ответил Ник. – Однако не торопится и не допускает ошибок. Мне нужен свидетель. – Он вздохнул. – Но я боюсь, что вместо него получу еще одну жертву.

Ник вспомнил о своем «свидании» с Мэгги, когда было уже почти пять. Весь день он занимался сбором образцов, которые должен был отправить в лабораторию, и прочесыванием данных на каждую из жертв, сравнивая их с теми, что были собраны по делу Сары Риттер. У него даже стояла школьная доска, заполненная списками общих черт и различий между делами. Но сейчас, сидя в полупустой квартире, которую ФБР арендовало исключительно для них с Рэмбо, Ник поедая поздний ленч из китайского ресторана и страстно желая побыстрее выкинуть из головы тошнотворные деяния доктора Дэна. Ему хотелось сменить кровь, что стояла у него перед глазами, на милую улыбку Мэгги.

⁹ Соответствует 44-му российскому размеру.

Мимоходом он подумал о ее реакции на стену молчания Лоуэлла Аткинсона, на которую она должна была наткнуться сегодня утром. Правда, вины за собой Ник не чувствовал. Он просто делает свою работу. И совсем не против дать Мэгги выкопать что-нибудь, чего сам не знает, но свои карты показывать не собирается. Последнее, что ему нужно, это чтобы пресса обнародовала все, что успело раскрыть следствие, и позволила доктору Дэну и дальше идти на шаг вперед.

«Кроме того, – подумал Ник, приканчивая чау-мейн ¹⁰, – если она узнает, кто я такой, звонок Аткинсону будет не самой большой проблемой».

В комнате зашипела и забормотала рация, диспетчер объявил о возможной попытке ограбления. На издаваемые звуки залаял Рэмбо, но Ник не обратил на это внимания. Он слушал полицейские переговоры, чтобы быть в курсе происходящего, и это уже стало для него второй натурой. Ему даже не приходилось напрягаться или концентрироваться на этом.

Подключив ноутбук через телефонную линию к Интернету, он вошел в Сеть, чтобы поискать для свидания какое-нибудь интересное место. Он подумал было найти сайт, где можно вместе посмотреть кино и пообщаться через мини-чат. Но потом понял, что это вряд ли будет похоже на настоящий поход в кино. Ни тебе огромного экрана, ни запаха попкорна, ни сидящей рядом Мэгги. Надо было найти что-то более экзотическое. Понимая, что нечего надеяться обнять ее и ощутить, действительно ли ее кожа такая мягкая, как кажется, и даже на совершенно целомудренный поцелуй, он искал место, очарование которого смогло бы отвлечь его – и заинтриговать ее.

И через двадцать минут он нашел такое место.

– Мапочка, когда придет миффис Губер?

– Миссис Грубер, – поправила сына Мэгги. – Скоро.

Она сидела за кухонным столом и занималась газетными статьями, которые несколько часов назад скопировала из Интернета. Она обнаружила шесть нераскрытых за прошлый год убийств, которые имели между собой много общего, и можно было предположить, что их совершил один и тот же человек. Все жертвы были женщинами европейской внешности в возрасте от двадцати четырех до тридцати девяти лет. У всех были раны, нанесенные оружием, напоминающим мясницкий нож. И у всех посмертно вырезаны языки.

Эта последняя ужасающая деталь сильно смахивала на подпись – и Мэгги слегка затошнило. Этот парень просто сумасшедший, настоящий маньяк! Ее пугала даже мысль о том, что он ходит по улицам ее города. Это мог быть парень, который курит около кафе, где она каждое утро покупает себе кофе, или почтальон, или маляр с ее улицы. Он может оказаться где угодно. Одна женщина была убита в Массачусетсе, одна в Миссури, две в Колорадо и две в штате Вашингтон. И словно нарочно, будто ее еще недостаточно напугали, последняя жертва, до Сары Риттер, оказалась репортером «Сиэтл индипендент».

– Вот это да, – прошептала она. – Что же все это значит?

– Мапочка! Когда же придет миффис Губер?

На этот раз расстроенный голос сына заставил Мэгги отвлечься. По соседнему столу были раскиданы мелки и рисунки. Она пыталась занять Зака, пока работала, но ему все равно было скучно.

Мэгги взглянула на часы. Как летит время! Свидание с Джоном всего через двадцать минут, а ей еще надо накормить Зака.

– Куда вы все подевались? Свет горит везде, как будто за электричество платить не надо.

Миссис Грубер прошаркала на кухню, неся в одной руке увесистый чемоданчик с ночными принадлежностями, а в другой – огромную сумку, явно не меньше весом. Мэгги не имела ни малейшего представления, что находится в сумке, а вот содержимое чемоданчика знала

¹⁰ Чау-мейн – китайское рагу из курицы или говядины с лапшой.

наизусть. Она видела, как миссис Грубер каждое утро собирает его. Пакет круглых леденцов – основа ее диеты и наиболее вероятная причина проблем с зубными протезами, очки для чтения, баночка кольдкрема ¹¹, зубная щетка, сеточка для волос и целая аптечка разнообразных витаминов. Мэгги пыталась убедить миссис Грубер оставлять свои вещи в гостевой ванной, но соседка чувствовала себя более комфортно, таская все с собой, и Мэгги сдалась. Миссис Грубер была потрясающей няней для Зака – почти его бабушкой, – но имела свои привычки. Она всегда сама заходила в дом, говорила все, что думала, и считала своей личной миссией проследить, чтобы ничего не пропадало даром. Она собирала алюминиевую фольгу, свечи для тортов и полиэтиленовые пакеты, мыла и снова использовала одноразовую посуду.

– Миффис Губер! Миффис Губер! – Зак пулей вылетел из кухни в восторге, что она наконец пришла, и чуть не сбил с ног пожилую женщину.

Миссис Грубер велела ему успокоиться и следить за своими манерами, но ее строгость никак не повлияла на энтузиазм Зака. Он знал, что она любит его. Пожилая женщина обняла его и стала копаться в сумке с ночными принадлежностями.

– Посмотри сюда, – сказала она мальчику. – Я тебе кое-что принесла.

Редкая ночь обходилась без небольшого подарка для Зака – красивый камешек для коллекции, четвертак ¹² для его свиньи-копилки или новая зубная щетка. Мэгги убрала со стола шокирующие газетные статьи, решив взять их с собой в офис, и взглянула через плечо, желая узнать, что миссис Грубер принесла Заку на этот раз.

– Пифама с плащом! – завопил Зак, на ходу начиная раздеваться.

Миссис Грубер была одинокой вдовой, жила на социальное пособие и то, что платила ей Мэгги. Ей не было нужды тратить деньги на Зака, и Мэгги часто говорила ей об этом. Но это ничего не меняло.

– Он уже вырос из пижам с футболистами, – объяснила она, точно оправдываясь, когда Мэгги в ответ подняла бровь. – А это с распродажи.

– Я отдам вам деньги.

Миссис Грубер нахмурилась и помогла Заку натянуть пижамную рубашку через голову.

– Это не те деньги, о которых стоило бы беспокоиться.

– Вы всегда так говорите, когда что-то ему покупаете.

Мэгги стала рыться в буфете, раздумывая, чем же накормить Зака, но миссис Грубер отвела ее в сторону.

– Что вы ищете?

– Что-нибудь на обед.

– Я принесла обед с собой. Зак любит мои спагетти и фрикадельки. – И прежде чем Мэгги смогла ответить, добавила: – Только не просите меня не приносить еду. Это остатки. Вы же не хотите, чтобы продукты пропали?

Она вытащила пластмассовый контейнер со спагетти и фрикадельками в таком количестве, что можно было бы накормить целую армию, и Мэгги отлично понимала, что это не остатки. Она приготовила еду специально для них, и, скорее всего, только сегодня.

– Вы нас балуете, – качая головой, сказала Мэгги.

Миссис Грубер фыркнула.

– Это просто остатки, – повторила она.

– Что вы делаете здесь так рано? – спросила Мэгги, меняя тему. – Мне на работу только к десяти.

– Вы уходите почти на весь день. Я подумала, вам не помешало бы подремать. Вы же не высыпаетесь. И питаетесь плохо. И когда-нибудь это вас подкосит.

¹¹ Кольдкрем – вид крема, который холодит кожу за счет испарения влаги.

¹² Монета в 1/4 доллара (25 центов).

Мэгги улыбнулась. Миссис Грубер практически ежедневно предсказывала ей большие проблемы со здоровьем. Она слишком худая. Слишком много работает. Ей нужно почаще бывать на свежем воздухе, завести побольше друзей и есть побольше овощей. Мэгги была бы не против немного подремать, но не хотела откладывать встречу с Джоном. Она ждала ее целый день.

– Я не могу спать, – сказала она. – У меня... свидание.

Лицо миссис Грубер, обрамленное ровными рядами коротких подсиненных завитков, прояснилось.

– С тем милым мусорщиком, который каждую неделю забирает мусор из моего бака? Я вам советовала с ним познакомиться. Теперь он будет забирать и ваш мусор.

Мэгги не стала объяснять, что нет никакого мусорщика. Раз в неделю, по вторникам, она сама таскала мусорные пакеты для них обеих, когда утром возвращалась с работы.

– Нет, я познакомилась с ним онлайн.

– А что это такое? Мэгги засмеялась:

– Онлайн. В Интернете. Мы встретились в чате и сейчас переписываемся по электронной почте.

Миссис Грубер уперла руку, покрытую старческими пигментными пятнами, в костлявое бедро.

– Он посылает вам сообщения? Да?

– Ну, не совсем. У нас с ним сегодня будет кибер-свидание.

– Но вы никогда его не видели? И никогда не слышали голоса?

– Нет.

– И вы останетесь у себя дома, а он у себя? – Да.

– Очень жаль, – сказала она. – Вы не сможете с ним обниматься онлайн.

Мэгги оставила Зака за поеданием спагетти и игрой в «кэндилэнд» с миссис Грубер и быстро ушла в спальню, не желая опоздать на свидание. Ей самой не верилось, что она так нервничает перед «встречей» с Джоном. О чем ей волноваться? Это же виртуальное свидание. Оно ничего не значит.

Модем стал знакомо попискивать, когда Мэгги подсоединилась к Интернету. Она добавила Джона к себе «в друзья» и думала, что увидит его ник в списке «друзей онлайн», но Джона среди них не было, зато было сообщение от него.

Мэгги,

когда будешь готова, просто нажми на эту ссылку.

Увидимся там.

Джон.

Присланная Джоном ссылка состояла из перемежающихся букв и цифр, подсвеченных синим цветом. Мэгги думала, что это будет еще одна встреча в мини-чате, но у Джона явно было на уме нечто иное. Она щелкнула мышкой по ссылке, и через мгновение экран ее компьютера заполнило изображение красивой деревеньки на каком-то острове. А в динамиках зазвучал чей-то голос:

«Привет, Мэгги. Ты говорила, что любишь валяться на песке. Добро пожаловать в рай».

Это голос самого Джона? Если действительно его, то жаль, что она не может как следует его расслышать. Динамики были не слишком хорошие и выдавали звук искаженно, с металлическим оттенком.

Горный байкер. Ты всегда так пунктуальна или, смею надеяться, тебе просто не терпелось встретиться со мной?

Мэгги улыбнулась, увидев эти слова, появившиеся в окошечке чата в левом верхнем углу экрана. Джон пришел.

Закман. Где мы? Выглядит классно.

Горный байкер. Мы отдыхаем на Карибах. Ты когда-нибудь бывала там?

На миг Мэгги вспомнила Тима и его многочисленные обещания: «Как только я закончу учебу, мы съездим...» Она из кожи вон лезла, чтобы он смог закончить университет. А теперь в туры по Европе, Гавайям и Азии, которые они когда-то планировали для себя, он ездит со своей новой женой Люси, и она сорит там деньгами. Хотя сорить деньгами в турах Люси может, только если Тим нашел на поездки время. Зная Тима, Мэгги очень в этом сомневалась. В его представлении хорошая жизнь всегда оставалась как раз за следующей профессиональной ступенькой.

Закман. Я нигде не была, за исключением Бостона, где мы навещали родных Тима, когда были женаты, и Айовы, где навещали моих родственников.

Горный байкер. Тогда тебе должно понравиться. Нажми на кнопку «старт».

Мэгги послушалась, и в динамиках снова зазвучал голос, на этот раз он был женским, с сильным Карибским акцентом, а фоном шла музыка в стиле регги¹³.

«Добро пожаловать на прекрасный остров Барбадос, что располагается в восточной части Карибского моря. В край теплых морей и плодородной земли, уникальный тропический рай...»

Видеотур начал показывать переливающееся аквамариновое море, белый песок побережья, смуглолицых местных жителей, буйство влажной растительности. С помощью мини-чата Джон указывал на достопримечательности, что встречались им по пути, и сжато пересказывал историю острова, которая не упоминалась в туре. На Мэгги это произвело сильное впечатление.

Закман. На самом деле здорово! Мне очень понравилось. Откуда ты столько знаешь про сахарные плантации Барбадоса?

Горный байкер. Какое-то время я там работал.

Кем, интересно, он работал? Охранником?

Закман. А потом вернулся обратно в Юту?

Горный байкер. Да.

У Мэгги на миг закружилась голова, когда она подумала, что они могли бы встретиться, если бы очень захотели. Двенадцать часов на машине не ближний свет, но и не путь через всю страну.

Закман. Я живу в Калифорнии.

Горный байкер. Ты там родилась?

Закман. Нет, родилась я в Айове.

Горный байкер. И там же выросла?

Закман. Да, я там жила, пока я не закончила школу. После этого уехала учиться в Калифорнийский университет.

Горный байкер. Где и познакомилась с Тимом?

Закман. Да. Мы поженились как раз перед тем, как я получила бакалавра по журналистике.

Горный байкер. Расскажи о своей семье.

Мэгги стала рассказывать ему о брате Ронни и матери, единственных оставшихся у нее родных. Джон заинтересовался и задал несколько вопросов, и Мэгги поделилась, каково было расти вместе с братом старше на десять лет и с родителями, которым было по сорок пять, когда она родилась, и которые не собирались больше иметь детей. Она рассказала, что была бельмом на глазу у отца до самой его смерти от сердечного приступа за год до их с Тимом свадьбы. И даже призналась, что чувствует ужасную вину из-за того, что уехала учиться в Калифорнию,

¹³ Регги – направление ямайской музыки.

оставив отца. Как ей было больно, что они с тех пор так ни разу и не увиделись. Она узнала о его смерти по телефону и приехала на похороны. В первой попытке хоть как-то себя проявить она потеряла единственного человека, который давал ей твердую опору. Основу, на которой можно было что-то построить.

Горный байкер. Я уверен, он знал, как ты его любишь, Мэгги. Только это и имеет значение. Держу пари, что он очень гордился своей малышкой.

Мэгги не смогла сдержать слез, прочитав эти слова. Отец никогда не видел в ней гадкого утенка, которым она была, – прыщи, худобу, выпирающие коленки. С самого момента ее рождения он видел в ней лебедя.

Закман. По крайней мере, он не увидел, как распался мой брак.

Горный байкер. Это не изменило бы его мнения о тебе.

Закман. Надеюсь. Мне жаль, что он не прожил достаточно долго, чтобы узнать Зака.

Горный байкер. Не сомневаюсь, что внук был бы главным в его жизни. А где Зак сегодня? Куда ты его отправляешь, пока работаешь?

Вот это уже более радостная тема. Мэгги рассказала Джону о миссис Грубер и ее спагетти, свитере, который она таскает в любую жару, и старом «кадиллаке», который она водит, не слишком беспокоясь о таких несущественных деталях, как требование уступить дорогу. Когда она закончила, Джон написал LOL, обозначая, что смеется, и она ощутила особую с ним близость.

Закман. Ты кажешься мне хорошим человеком. Я рада, что мы познакомились.

Наступила пауза длиннее обычного.

Горный байкер. Я не всегда считаю себя хорошим человеком, но тоже рад, что мы познакомились.

Закман. У тебя есть сканер?

Горный байкер. Нет.

Закман. Тогда, может, ты сходишь в «Кинко»¹⁴ или куда-нибудь еще и отсканируешь для меня свою фотографию?

Горный байкер. Зачем? Я думал, что внешность не важна для тебя.

Закман. Не важна, это так. Но я хочу иметь хоть какой-то образ, чтобы представить тебя, когда я закрою глаза и буду о тебе думать. Я знаю, что ты высокий и определенно не имеешь проблем с весом. У тебя темные волосы и темные глаза. Но это и все. А тебе разве не любопытно, как я выгляжу?

Вторая пауза, еще длиннее первой.

Закман. Джон? Ты еще там?

Горный байкер. Извини. Послушай, мне сейчас надо бежать, но чуть позже тебе напишу. Хорошо?

Мэгги нахмурилась, глядя на экран. Они провели вместе полтора часа, но у нее оставался еще час до работы. Она не собиралась его отпускать, не выяснив, почему он вдруг так охладел.

«Вот здорово, кажется, я еще более одинока, чем думала. Я мертвой хваткой вцепилась в мужчину, с которым даже никогда не встречалась». Она застонала и хлопнула себя по лбу: «Прекрати это, Мэг!»

Закман. Конечно. Мне самой надо собираться на работу.

Придя к себе в редакцию, Мэгги обнаружила, что в ее кресле развалился Ник Соренсон. Он сидел, вытянув ноги, и разглядывал рисунки Зака.

От удивления она замерла на месте и уставилась на него через перегородку, которой ее маленькая кабинка отделялась от остальных.

¹⁴ «Кинко» – американская компания, оказывающая услуги по распечатке и сканированию материалов.

- Что ты делаешь у меня за столом? Он улыбнулся и встал.
- Жду тебя.
- Меня?

Он передал ей какой-то листок. Мэгги взглянула на записку и сразу узнала каракули Хорхе, криминального репортера, которого она меняла, но не стала тратить время на чтение. Ник заговорил, объясняя, что в записке.

– Сегодня сыну Хорхе исполняется четырнадцать, и отпраздновать придет вся семья. Он хотел тебе позвонить, но не мог отлучиться с вечеринки. Так что теперь это твоя история.

– Если я захочу ее взять. – Она оторвала взгляд от мужественного лица Ника и вчиталась в записку.

«Полиция на пути к ларьку с бургерами на углу Бродвея и Четырнадцатой авеню. Перестрелка с колес. Деталей не знаю. Звонок только что поступил».

Мэгги подняла бровь, обдумывая сообщение. Угол Бродвея и Четырнадцатой. Это Ок-парк. Самый плохой район Сакраменто.

– Позволь предположить, – сказал Ник, – что ты хочешь взять эту историю.

Мэгги посмотрела на него, сузив глаза:

– Позволь предположить – ты единственный свободный сейчас фотограф.

Он усмехнулся, сверкнув белыми зубами на фоне дневной щетины:

– Точно. Ты что, не доверяешь мне как специалисту?

Мэгги вообще не доверяла ему в данный момент. Она глубоко вздохнула и попыталась понять, что ее так тревожит. Ник вторгся в ее личное пространство, это было самонадеянно и грубо, особенно учитывая, что он здесь совсем новичок. Но было и нечто большее. Он вел себя так, словно контролировал все и вся, контролировал даже там, где имел права не больше маленького винтика. «Кажется, он из тех, кто любит командовать», – решила Мэгги. Из тех, кто привык командовать, вроде Рока Тилмана. Но после Тима Мэгги пообещала себе, что больше никогда и никому не позволит контролировать свою жизнь. И она не собирается отступать. Любой, кто наступит ей на ногу, сразу об этом узнает.

– Только одно условие, – сказала она.

– Какое? – Ник наблюдал за ней из-под густых темных ресниц, такого прекрасного обрамления его необычных глаз. Не карие и не золотистые, что-то среднее, как черепаший панцирь.

– В следующий раз, когда тебе нужно будет меня подождать, жди у себя за столом.

Мэгги думала, что Ник ошетинится от ее жесткого тона и поставит на место. Но он в ответ только тихо хихикнул.

– Как скажешь, Мэгги.

Тон, каким он произнес ее имя, показался Мэгги странно интимным. Она чуть не потребовала, чтобы он называл ее миссис Рассел, но тут же поняла, как это было бы глупо. Все в офисе звали ее Мэгги. Миссис Рассел была ее седовласая свекровь, сейчас уже бывшая.

Ник прошел мимо Мэгги в проход между кабинками, и на мгновение она вдохнула его аромат. Лосьон после бритья, мыло, одеколон или шампунь – она точно не знала, что это было, но аромат пробудил в ней какие-то чувства и вызвал ощущение порхающих в животе бабочек.

– О боже! Только не Ник Соренсон, – пробормотала она, глядя ему вслед. – Надо думать о Джоне. О добром, нежном, сострадательном Джоне, который говорит, что отец гордился бы мной, и устраивает интересные и продуманные киберсвидания. То, что он пока не прислал мне свою фотографию, не означает, что он похож на монстра. Он просто лучше просвещен, чем остальные. И понимает, как мало значит внешность среди всего остального.

Она тоже это понимала.

Но тогда почему ей так трудно оторвать взгляд от идеального зада Ника Соренсона?

Глава 5

Жертвой перестрелки оказался чернокожий подросток, вряд ли старше пятнадцати.

Мэгги смотрела, как paramedics пытаются реанимировать безвольное тело, распластанное на тротуаре, и не могла не думать о том, какое это горе для его матери. Без сомнения, бедная женщина окажется перед вопросом: как жизнь ее ребенка могла закончиться таким образом? Как же это произошло? И почему?

Именно эти вопросы придется задавать Мэгги, но по совершенно иным причинам. Просто это была ее работа.

– От подобных трагедий у меня все внутри переворачивается, – сказала она стоящему рядом Нику.

– Банды, – отозвался он, мрачно кривя губы.

Мэгги прижимала к бокам кулаки и про себя молилась, чтобы мальчик выжил. «Давай же, давай, вернись, – повторяла она. – Ты должен прожить еще лет шестьдесят».

Но через несколько минут оба paramedica выпрямились и понимающе переглянулись. Все было кончено. Он умер. Ничего больше сделать было нельзя. С мрачными лицами они погрузили мальчика на носилки и вкатили в «скорую помощь». Заревел мотор, и вскоре в свете уличных фонарей осталась только темная лужа крови, четверо пожарных со своей ярко-красной машиной да толпа зевак.

«Дистанцируйся», – приказала себе Мэгги. Ей надо отвлечься от насилия, бессмысленных страданий и материнского горя, потому что в противном случае она не сможет быть объективной.

Ник легонько обнял ее за талию и посмотрел в лицо с высоты своего роста.

– Ты в порядке?

На какое-то мгновение Мэгги забыта, что не хочет иметь ничего общего с новым фотографом «Трибюн». Забыта о его высокомерии, его потрясающем теле, его ауре «пересплю и брошу». Она даже забыла о Роке Тилмане. После виденного ими зрелища, казалось, кроме жизни и смерти, ничто не имеет значения. Она уткнулась лицом ему в грудь и позволила погладить себя по спине. Потом глубоко вздохнула и собрала волю в кулак. Она должна была заняться своей работой и позволить Нику сделать свою.

– Борешься со сном?

Мэгги подняла голову на голос и посмотрела на Ника, страстно желая, чтобы он не выглядел в четыре часа утра таким бодрым. Они вернулись в офис около полуночи. Мэгги обнаружила у себя на столе записку от Бена, своего редактора, который требовал продолжение истории об убийстве Риттер. Следующие два часа она пыталась перехватить кого-нибудь из полицейского управления и получить подтверждение словам Мэри Энн. Но никто не хотел с ней разговаривать, и меньше всех – детективы, работающие над делом. В результате ей пришлось писать продолжение, опираясь на «неназванный источник».

Но, несмотря на все это, она радовалась, что у нее получилось. И что она покончила с этим. Последний час она уже не могла делать что-либо полезнее прослушивания полицейской волны.

– Я очень давно на ногах, – сказала она Нику.

– Может, тебе стоит съездить домой и вздремнуть?

Мэгги потерла щеку, надеясь, что лицо выглядит не слишком помятым.

– Моя работа состоит в том, чтобы сидеть здесь, пока не придет утренняя смена. Парень, который убил Сару Риттер, может убить кого-нибудь еще. Я не хочу, чтобы кому-либо при-

чинили боль, но, если уж так случится, не могу это пропустить. Я должна оправдывать свою зарплату.

Она выкопала для Ника копию своей последней статьи. Ему сразу бросился в глаза заголовок: «Риттер, последняя из семи».

– Так убийца Риттер уже убивал раньше? – с задумчивым видом спросил он.

Мэгги кивнула.

– Откуда ты знаешь? В полиции сообщили?

– У меня другие источники и еще небольшое расследование. Все подтвердили.

– Что за «другие источники»? Мэгги хитро улыбнулась:

– Хороший репортер не раскрывает свои источники.

– Кажется, я слышал это в каком-то фильме. Но мы же здесь все в одной команде, разве не так?

Один из приемников поймал на полицейской волне звонок диспетчеру, и Мэгги подкрутила громкость, чтобы лучше слышать. Кажется, вызов на бытовое насилие. Она не станет срываться из-за него из редакции. Если она будет сообщать о каждом парне, который ударил свою жену, на газетных полосах не останется места ни для чего другого.

Из-за насилия, с которым ей приходилось сталкиваться на работе, она стала несколько циничной.

– Не волнуйся, я сообщу, когда будут нужны фотографии, – сказала Мэгги, возвращаясь к их с Ником разговору.

Он положил локти на перегородку, окружавшую ее стол:

– Хочешь, я помогу тебе не заснуть?

Мэгги подперла рукой голову и широко зевнула.

– Не думаю, что кому-то это под силу.

Такое безапелляционное утверждение вызвало у него волчью ухмылку.

– А может, я умею привлекать женское внимание лучше, чем ты думаешь.

Мэгги не сомневалась в его способностях; напротив, именно его потенциал ночных развлечений ее и пугал.

– Что ты предлагаешь? – нерешительно спросила она.

– Не знаю. Мы могли бы сыграть во что-нибудь.

– Типа шашек? Я не держу у себя в столе настольных игр и буду искренне удивлена найти таковые в твоём.

– На самом деле я думал о «Правде или расплате», – сказал со смешком Ник. – Не требует никаких досок и, в зависимости от того, с кем играешь, может оказаться очень интересной.

– Я еще не сошла с ума, чтобы играть с тобой.

– Это почему? У тебя есть скелеты в шкафу?

– Нет, просто не испытываю желания делать всякие глупости. Типа поедания кофейной гущи или еще чего-нибудь в этом роде.

Ник нахмурился:

– О поедании кофейной гущи думают разве что десятилетки. Ты явно не играла в эту игру в последнее время.

– А ты играл?

– Нет, но думаю, что ты могла бы сделать что-нибудь куда более захватывающее вместо того, чтобы есть кофейную гущу.

При мысли о том, что это могло бы быть, Мэгги внезапно ощутила покалывание в позвоночнике.

– Это может оказаться проблематичным, – признала она.

– Обидно, что ты мне не доверяешь.

– А почему я должна тебе доверять? Я тебя мало знаю.

Он оттолкнулся от перегородки, позаимствовал в соседней кабинке стул и сел.

– В этом и прелесть игры. Она поможет нам узнать друг друга. Давай сыграем. Я пропущу тебя вперед. Спрашивай.

Мэгги оценила его рост – выше шести футов в сидячем положении с вытянутыми ногами. Куда он клонит?

Так или иначе, сон у Мэгги как рукой сняло. Очко ему за результативность.

– Ну ладно, – сказала она, больше не в силах сопротивляться заманчивой возможности карать и миловать. – Правда или расплата?

Он сморщил губы и выдержал ее взгляд.

– Правда.

– Почему ты попросил меня о свидании несколько недель тому назад?

– Разве это не очевидно?

– Нет. В нашем офисе много женщин. Почему именно я?

– Потому, что ты красива, энергична и немного застенчива. Мне нравится это сочетание.

Мэгги посмаковала его слова. В старшей школе ее называли совсем не так. И несмотря на то что с тех пор прошло уже двенадцать лет, иногда ей трудно не обращать внимания на отголосок того времени.

– Вот это да, – улыбнулась она. – Хорошо. Может, действительно игра окажется забавной.

Ник засмеялся:

– Если не считать, что теперь моя очередь спрашивать. Правда или расплата?

Мэгги, убиравшая в этот момент выбившиеся из прически волосы, замерла. Правда всегда безопасней, разве не так?

– Правда.

– Почему ты отказала мне?

– Хм... Ты не мой тип мужчин. Он поднял бровь.

– Ты только что сказала, что едва знаешь меня. Так откуда тебе знать, какой я тип?

– Из трудного жизненного опыта.

– И что это значит?

– Ничего. К тому же у меня сын.

– И целая стена, увешанная его рисунками, в доказательство. Так каков твой ответ?

– Я не интересуюсь тем видом отношений, каким интересуешься ты.

Ник удивленно замер.

– И какими же отношениями я интересуюсь?

– Не важно.

– Нет, я хочу услышать твою версию.

– Я просто имею в виду, что ты, наверное, привык к определенным... отношениям с женщинами, которым назначаешь свидания, и... и я на самом деле не такого типа, и... ну, не важно. Теперь снова моя очередь. Правда или расплата?

– Я не уверен, что готов закончить с этим вопросом, но не знаю, хочу ли, чтобы ты уточняла свой ответ. Так что... правда.

– Сколько женщин у тебя было? Со сколькими ты спал?

– Что?

– Думаю, твой ответ объяснит, что я имею в виду под присущим тебе типом отношений.

– Можно я выберу расплату? Мэгги самодовольно улыбнулась:

– Нет.

– Ну, сейчас я уже не так бесшабашен, как раньше, и не думаю, что далекое прошлое должно вменяться мне в вину.

– Просто ответь на вопрос. Это ведь была твоя идея, помнишь?

– Да ладно тебе. Давай ограничимся последними годами. Как уже говорил, я сейчас не тот, что был десять лет тому назад.

– Хорошо. Сколько за последние три года?

– Одна.

– Лгун.

– Это правда!

– Если только за последние три месяца, – пробормотала Мэгги.

– Ай-ай-ай, так нехорошо говорить. – Ник погрозил ей пальцем. – И сейчас моя очередь, слава Небесам. Правда или расплата?

– Правда.

– Опять? Вот трусиха.

Мэгги скрестила руки на груди:

– Ты сам каждый раз выбираешь правду.

– Хорошо. Ответь мне вот на какой вопрос: если бы ты согласилась пойти со мной на свидание, куда бы ты хотела отправиться?

– Хочешь обвести меня вокруг пальца? Ник прижал руку к груди:

– Я? Конечно нет. Я уважаю право отказа. Я просто спросил «если бы ты согласилась?».

– Мне обязательно быть практичной?

– Нет. В этом и прелесть. Единственное правило состоит в том, что ты должна говорить правду.

– Ладно. На Гавайях было бы неплохо.

– Посмотрим... пять часов туда и пять обратно. И если мы нацеливаемся посмотреть большую часть островов, то ты явно говоришь как минимум о неделе наедине, верно?

Мэгги сглотнула, представив столь долгое романтическое уединение с опасным Ником Соренсоном.

– Я просто решила тебя подразнить. Я бы покаталась на водных лыжах на озере Фолсом – съездили бы туда на целый день. Я не каталась на водных лыжах со студенческих времен. Но у тебя вряд ли есть лодка.

– Я всегда могу взять ее напрокат.

Мэгги покачала головой. Она на это не попадет. Ник очень обаятельный, но вряд ли сможет стать хорошим отцом – а это единственное, что имеет значение при прочих равных.

– Правда или расплата? – спросила она.

– После твоего последнего вопроса я выберу расплату. Пусть лучше кофейная гуща, чем перечисление моих прошлых подвигов.

Мэгги выпатила губу.

– Дай подумать.

Было немало того, что ей хотелось бы увидеть в исполнении Ника, – а в ночной час даже требование снять рубашку казалось довольно привлекательным, – но даже думать об этом показалось ей перебором.

– Спой мне песню, – сказала она наконец. Ник скорчил гримасу.

– Без музыки?

– Здесь есть радио.

– И какую песню? Она улыбнулась:

– Предоставляю выбор тебе.

Ник покрутил настройку радио и в конце концов остановился на песне Truly Madly Deeply в исполнении дуэта Savage Garden. У него оказался неплохой голос, а взгляд, обращенный на Мэгги во время пения, и двойной смысл произносимых слов производили сильное впечатление.

– За что боролась, на то и напоролась, – признала Мэгги, когда песня кончилась.

Он поднял брови.

– Тебе так понравилось?

– Неплохо, – неохотно сказала она.

– Ну, раз я так хорошо выставил себя идиотом, может, ты доверишься мне и сама теперь выберешь расплату.

– Я не буду петь, – сказала она.

– А я не буду это предлагать. Мэгги на мгновение заколебалась:

– Обещай, что не будешь жестоким.

– Ну, мы же теперь друзья, верно?

– Это риторический вопрос.

– Да ладно тебе.

– Ну хорошо. Расплата.

Мэгги зажмурилась, зная, что ей не понравится то, что она сейчас услышит.

– Я хочу, чтобы ты со мной потанцевала.

– Прямо здесь? – спросила Мэгги и огляделась. – Мы не можем танцевать прямо в редакции. Внизу дежурит охранник. Он все видит по мониторам и свалится на пол от хохота.

– Сомневаюсь, что старина Эд сейчас бодрствует и способен что-либо заметить. Мы здесь совершенно одни.

– Есть еще по крайней мере пятеро...

– ...Которые рассредоточены по всему периметру здания. Они нас не увидят.

– Они могут выглянуть в коридор в любой момент.

– Мне кажется, тебя волнует не это. По-моему, ты боишься меня. У тебя вообще проблемы со страхами, ты знаешь об этом?

Мэгги знала, но не собиралась признаваться в этом Нику.

– Я работаю по ночам. И ничего не боюсь.

– Тогда потанцуй со мной.

Он покрутил настройку радио, пока не нашел какую-то медленную балладу, и с надеждой повернулся к Мэгги.

«Что бы сказала об этом Дарла?» – подумала Мэгги. Для человека, который решил держаться на расстоянии от Ника Соренсона, она придвигается к нему ужасающе близко.

– Медленный танец?

– А ты бы предпочла быстрый?

Мэгги подумала о своем мизерном опыте в танцах и покачала головой:

– Нет.

– Ну, тогда давай иди сюда.

Мэгги глубоко вздохнула и встала. Треск приемников, настроенных на полицейскую волну, создавал атмосферу далекую от желаемой, но интуитивно подсказывал, что ей понравятся объятия Ника, что бы вокруг ни происходило.

Возможно, она меньше волновалась бы, если бы между ними оставался хотя бы фут, но Ник быстро исключил такую возможность, обняв ее за талию и притянув к себе. Мэгги перевела дух и попыталась не обращать внимания, что, пока они медленно двигаются под музыку, его сильная грудь прижимается к ее груди, а мускулистые бедра к ее ногам.

– Расслабься, – промурлыкал Ник и, как только она повиновалась, прижал ее к себе еще сильнее. – Вот видишь, все не так страшно.

Мэгги смогла только покачать головой. Сердце билось так сильно, что она не могла говорить. От запаха чистого хлопка и мужского тепла ей хотелось уткнуться носом в шею Ника. А пальцы просто зудели от желания погрузить руки в его волосы. Что он с ней сделал за одну только ночь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.